

АНАТОЛИЙ РОМОВ
БЕССПОРНОЙ
ВЕРСИИ НЕТ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Анатолий Ромов

Бесспорной версии нет (сборник)

«Центрполиграф»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Ромов А. С.

Бесспорной версии нет (сборник) / А. С. Ромов —
«Центрполиграф», — (Классическая библиотека приключений и
научной фантастики)

В сборник входят повести «Бесспорной версии нет» и «Условия договора». В первой из них рассказывается о раскрытии работниками прокуратуры и милиции преступной группы рэкетиров, действующей в Москве. В центре второй скромный заместитель начальника районного УВД волей случая столкнулся с «антикварной мафией», действующей в Грузии.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Ромов А. С.
© Центрполиграф

Содержание

Бесспорной версии нет	6
Начало	6
Прохоров	8
Нижарадзе	9
Гостиница «Алтай»	13
Дом на Тимирязевской	17
Сопоставление	18
Проработка	19
Светлана Николаевна Гарибова	20
Посетитель	23
Сомнения	25
Георгий Константинович Гарибов	27
Алексей Павлович	32
Круг лиц	36
Эксперимент	38
Вторая встреча	42
Замысел	47
Разговор с другом	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анатолий Ромов

Беспорной версии нет (сборник)

© Ромов А.С., 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Беспорной версии нет

Начало

Своей фамилией предки Бориса, ассирийцы¹, были обязаны чиновнику из казаков, выдававшему в конце прошлого века паспорт приехавшему на Кавказ прадеду. Прадед повторил свою фамилию трижды, но тому сочетание «Бит-Иоанес» показалось слишком мудреным. Спросив: «Это по-нашему Иван, что ли?» – и, не дождавшись ответа, махнув рукой, записал: Иванов. Прадед конечно же по-русски тогда не понимал. Так и появились в Тбилиси, в районе Авлабара, по-сегодняшнему в районе имени 26 Бакинских Комиссаров, ассирийцы Ивановы.

Борис был пятым ребенком в семье рабочего нефтебазы. Его возмужание, как и полагалось, прошло все этапы, которые неизбежно сопровождают в Авлабаре превращение подростка в мужчину.

В четырнадцать он уже должен был сам зарабатывать себе на хлеб. Сначала пошел грузчиком на механический завод, потом там же стал давилыщиком. Потом научился курить, чтобы суметь бросить. Пить, чтобы потом уже не брать в рот ни капли. И конечно, с тринадцати именно здесь, в Авлабаре, он смог подробно изучить все карточные игры, от секи и деберца до преферанса и покера. В четырнадцать знакомый цыган научил его запоминать рубашки², и ему показалось, что в карточной игре он достиг совершенства. Иногда он даже обыгрывал самого Ираклия Кутателадзе, своего лучшего друга. Но в пятнадцать, так же как и Ираклий, пройдя неизбежный этап карточного запоя, внезапно совершенно охладел к картам. В восемнадцать Борис Иванов поступил на шоферские курсы, в двадцать один, после армии, стал милиционером-стажером.

В милицию он пошел не из-за каких-то высоких побуждений. Может быть, высокие побуждения появились потом, сначала же он просто искал работу, которая бы ему понравилась. Он умел водить машину, умел стрелять, был кандидатом в мастера по боксу. Рано или поздно кто-то наверняка должен был посоветовать ему пойти в милицию. Первый такой совет он услышал от своего тренера. Так он пришел в городское УВД.

Начал он с того, что в составе специальной группы из трех человек ходил по Тбилиси и ловил карманников. Именно в это время Борис снова по-настоящему сблизился со своим бывшим одноклассником Ираклием Кутателадзе.

Борис работал водителем самосвала и готовился уйти в армию, когда Ираклий выбрал не такой уж престижный пищевой факультет Тбилисского политехнического института, поступить в который ему ничего не стоило. Все экзамены Кутателадзе сдал на пятерки. Но тем самым он отказался от блестящей карьеры грузинского Ландау, которую ему прочили окружающие. Ни у кого не было сомнений, что Ираклий Кутателадзе будет поступать как минимум на мехмат в МГУ или в МИФИ. Уже вернувшись из армии и поступив в милицию, Борис Иванов не раз слышал от многих: «Испугался Ираклий, не поехал в Москву. А зря. С его головой он прошел бы в любой вуз». Но Борис понимал: Ираклий конечно же не испугался. Он хорошо знал своего друга.

Ираклий Кутателадзе окончил институт с отличием и получил направление в Москву, в аспирантуру Тимирязевской академии. Борис Иванов продолжал работать в Тбилиси и в

¹ Ассирийцы – одна из народностей СССР. В СССР ассирийцы живут в основном на Кавказе, а также в Москве и Ленинграде. (Здесь и далее примеч. авт.)

² Рубашки – обратная сторона игровых карт.

конце концов стал заместителем начальника РОВД. Потом его, уже майора милиции, выпускника-заочника Академии МВД, перевели в Москву. Он стал старшим оперуполномоченным Главного управления уголовного розыска МВД СССР.

С Ираклием Кутателадзе, который давно уже жил в Москве с женой Мананой и сыном Дато, Борис Иванов встречался после переезда в Москву довольно редко. Впрочем, в самой их дружбе ничего конечно же не изменилось. Просто обстоятельства не давали им встречаться чаще, чем раз в месяц. Сначала Иванову надо было устроиться на новом месте вместе с семьей: женой Лилей и трехлетним Геней. Нелегкой оказалась и новая работа, на которой приходилось засиживаться до ночи и часто работать без выходных. Потом вдруг грянул гром: Лиля, не выдержав жизни в огромном городе, уехала внезапно вместе с сыном в Тбилиси.

После переезда Иванова в Москву прошло пять лет. Ираклий Кутателадзе теперь – директор мясокомбината.

Прохоров

Иванов следил, как Прохоров просматривает одну из папок следственного дела. Вот уже неделю они ежедневно встречаются здесь, в кабинете Прохорова, прокурора Главного следственного управления Прокуратуры СССР, следователя по особо важным делам. Собственно, пошел уже девятый день с тех пор, как убийство Садовникова свело их вместе. Обычно их встречи происходят вечером, к концу рабочего дня. Встречаются они ежедневно. Это значит, что дела идут плохо. Когда у следователя и оперативника все ладится, они так часто не встречаются. Если все хорошо, достаточно телефонного звонка.

Заметив собственное отражение в стекле и взглянув на него, Иванов усмехнулся. С тех пор как он в Москве, он каждый раз разглядывает себя с досадой. Слиться, потеряться среди других в столице с такой внешностью трудно. Черные волосы, черные густые брови, нос крючком, резко очерченные губы, ямочка на подбородке. Ко всему этому общий оливковый подсвет лица и темно-карие, выпукло обозначенные глаза. Типичный гость с юга. Единственное, что здесь, в Москве, после Тбилиси стало обычным, ничем не выделяющимся, – фамилия.

Перед тем как приехать к Прохорову, Иванов два часа потратил на изучение сводок по преступлениям, совершенным в городе за последние несколько суток. Этим, с тех пор как в их поле зрения попал убийца Садовникова, условно именуемый «кавказцем», его группа, то есть он, Линяев и Хорин, занималась теперь ежедневно. Втроем они не только просматривали сводки, но и звонили на места, в районные и транспортные управления и отделения, буквально прочесывали все случаи или попытки разбойного нападения с применением огнестрельного оружия. Их интересовали лица высокого роста с южной или кавказской внешностью, около тридцати лет, предпринимавшие такие попытки в последние дни в Москве. Как водится, кандидатуры возникали ежедневно, но при ближайшем рассмотрении каждый раз выяснялось, что след ложный.

На секунду голова Прохорова, читающего дело, показалась Иванову медленно плывущим над столом желто-розовым шаром. На этом шаре кто-то сделал чуть заметные пометки, обозначив небольшие серые глаза под светло-русыми бровями, щеточку таких же светло-русых усов и маленький нос, чрезмерно маленький по сравнению с общими габаритами. Если прикинуть, в сорокадвухлетнем Прохорове никак не меньше десяти пудов.

Будто почувствовав, что Иванов на него смотрит, Прохоров поднял глаза:

– Борис Эрнестович, подождете? Дочитаю заключение и поговорим насчет этого Нижарадзе. Хорошо?

– Конечно. Дочитывайте, Леонид Георгиевич.

– Угу. Я минутку. – Прохоров снова уткнулся в папку.

Иванов принялся рассматривать снежинки, летящие за окном.

Нижарадзе

Нижарадзе... В море любых кавказских фамилий он всегда чувствовал себя привычно. Вроде бы он знал одного делового Нижарадзе, по кличке Кудюм. Насколько он помнит, этот Кудюм занимался мошенничеством. Если этот Нижарадзе из «Алтая» и есть Кудюм, что вполне допустимо, ибо кавказцы останавливаются в этой гостинице довольно часто, вряд ли след приведет к чему-нибудь. Фармазонщик Кудюм никогда не пойдет на убийство. Если же он абхазец, то и воровать никогда не будет. Так и остановится навсегда на своем фармазонстве. У абхазцев воровство считается последним делом.

Всплыла же эта фамилия так. Вчера, на шестой день организованной Прохоровым проверки московских гостиниц, было обнаружено, что в день убийства Садовникова из «Алтая» выписался некто Гурам Джансугович Нижарадзе, житель Гудауты Абхазской АССР. По показаниям персонала, у этого Нижарадзе был белый спортивный костюм на пуху. В этом костюме его видели несколько человек. Белый пуховый костюм, фамилия. Нет, всего этого мало. Но какой-никакой все же след.

Иванов с легкой досадой подумал о том, что его назначили старшим опергруппы именно потому, что он – из Тбилиси. Когда к месту происшествия подъехала оперативная машина, Садовников, несмотря на смертельное ранение в сердце, еще жил. Когда его перекладывали на носилки, инспектор отрывочно, с трудом выговорил: «Черные усы... что-то... от кавказца». Это были последние слова. Довезти до больницы Садовникова не успели, в дороге он умер. Свидетельница, случайно обратившая внимание за полчаса до событий на шедшего ей навстречу человека, прогуливавшегося потом рядом с Садовниковым, показала, что это был «высокий мужчина лет тридцати, восточной наружности, в белом спортивном костюме». Это-то «восточной наружности» подтолкнуло ГУУР³ поручить розыск ему, Борису Иванову.

Нижарадзе... Хорошо, допустим, этот Нижарадзе и есть Кудюм. Ну и что? Его видели только работники гостиницы. Вряд ли они его запомнили. Но если и запомнили, фамилия Нижарадзе еще не означает, что у человека восточная наружность. Светловолосый человек с голубыми глазами тоже может носить фамилию Нижарадзе. Белый костюм...

Ну да, это как раз и есть крохотный след. Может, этот след приведет к чему-то. А может, нет.

Согласно заключению судмедэкспертизы, Садовников был убит двумя ударами, нанесенными сзади остро отточенным предметом типа стилета или заточки. Оба удара пришлось точно под левую лопатку. Один поразил сердце, другой – легкое. Без всякого сомнения, человек с менее крепким здоровьем от таких ударов умер бы сразу. Садовников же какое-то время еще жил. Больше того, судя по вытоптанной почве, поломанным кустам и найденному на месте убийства синему пластмассовому замку от застежки молнии, наверняка от белой пуховой куртки, Садовников после двух ударов под лопатку еще пытался что-нибудь сделать. Строго говоря, Садовников умер как герой. Сейчас трудно сказать, что там происходило. Ясно лишь, что «кавказец», как показали следы, какое-то время стоял под обрывом, рядом с умирающим Садовниковым.

Прохоров кончил читать, отложил папку, спросил:

– Борис Эрнестович, я вижу, вы в этого Нижарадзе не очень-то верите?

С виду Прохоров – сама простота. Но Иванов давно понял: Прохоров лишь с виду кажется простым. В действительности он достаточно сложен. И ничего не говорит зря.

– Почему, Леонид Георгиевич. Верю. Кстати, какая работа проведена там, в гостинице?

³ ГУУР – Главное управление уголовного розыска МВД СССР.

– Я настоял, чтобы туда выехала опергруппа. Номер осмотрен прокурором-криминалистом. Помимо этого проведен подробный опрос персонала.

– Ну и опрос что-нибудь дал?

– Если вы о материальных следах... Их выявить пока не удалось. Правда, неопрошенные свидетели еще остались. Дежурство в гостинице сменное. Да и вообще... – Прохоров помедлил, – вообще землю рыть пока рано. До ответа из ГИЦ⁴.

Смысл этих слов Иванов отлично понял. Одно дело, если они установят, что проживавший в «Алтае» Нижарадзе ни разу не был судим. Значит, отпечатков пальцев в ГИЦ нет. И совсем другое, если попавший в их поле зрения ранее был осужден.

– Понимаю.

– Насчет же этого Нижарадзе... – Прохоров явно хотел еще раз все взвесить. – Я думаю, тут что-то есть.

Иванову было ясно: Прохорова заинтересовало то, что Нижарадзе остановился в «Алтае». Три известные в Москве останкинские гостиницы – «Заря», «Восход» и «Алтай» – считаются устаревшими, малокомфортабельными. Но именно в этих окраинных гостиницах любят останавливаться «деловые» с юга. Те, кому есть смысл не обращать на себя внимание.

– Вы имеете в виду то, что он остановился в «Алтае»?

– Именно. Что касается запроса в ГИЦ, я его сделал по телефону. Может, сегодня даже ответят. Подождете? Или вас дома ждут?

– Да у меня... найдутся дела. Я еще подъеду, к концу работы.

На улице стемнело, в переулке горели фонари. Впереди светились окна комиссионного магазина, рядом несколько молодых людей стояли у входа в кафетерий.

Где-то наверху, над Москвой, наверняка шел снег. Шел, но казалось: сейчас сюда, в переулок, долетают только редкие снежинки.

Иванов остановился у своей светло-голубой «Нивы». Достал ключ, открыл дверцу. Прохорову он наврал – никаких дел у него сейчас не было. И ехать некуда. Разве что к Ираклию. А что? Пожалуй, сегодня действительно можно будет съездить на Тимирязевскую. Он давно там не был. Все-таки хоть какая-то, но иллюзия домашнего уюта. Ему всегда там рады. И не нужно заранее звонить, можно без звонка. Если бы... Лиля с сыном Геной в Тбилиси уже полгода. Он до сих пор помнит эту ее фразу, с которой он сорвался. «Борис, знаешь, кажется, переезд в Москву не для меня. Этот город не для меня». – «О чем же ты думала, прожив здесь почти пять лет?» – «Ну так...» Он помнит, как после этого закричал на нее. И как она побледнела. Но ведь он обязан был так поступить. Он, мужчина. Обязан. Видите ли, здесь, в Москве, она жить не захотела. Да, он кричал на нее: «Ты будешь здесь жить! Будешь! Слышишь, будешь! А не хочешь – убирайся! Я не держу!»

После того как он накричал на нее, Лиля вскоре уехала, хотя между ними, лично между ними, как будто ничего не произошло. Даже после отъезда он знал: Лиля не хочет и не будет с ним разводиться. Она уехала, потому что он ее выгнал. Может быть, теперь уже она не вернется. Не вернется? Нет, конечно же она в конце концов вернется. Куда ей деться, не может же она продолжать жить в Тбилиси – одна, с ребенком. Без него.

Стараясь забыть обо всем этом, он сел в машину, хлопнул дверцей. Включил зажигание. Ну а вдруг не вернется? Вдруг? Посидел немного в холодной машине. Тронул ручку, выехал из переулка на улицу Горького.

У Вернадского он свернул направо. Проехал смотровую площадку и маленькую церквушку. Машину остановил недалеко от злополучного перекрестка. Впереди был виден «стан» ГАИ, в котором сейчас сидел кто-то из инспекторов.

⁴ ГИЦ – Главный информационный центр МВД СССР.

«Кавказец», судя по всему, сначала затаился где-то здесь неподалеку, выжидая, когда Садовников заступит на пост.

Если бы понять, зачем именно в эти дни «кавказцу» понадобилось срочно добыть пистолет! Налет? Ограбление? Или оружие понадобилось ему для защиты от кого-то. Нет, для защиты вряд ли. Судя по способу добывания оружия, это не тот человек. Не тот, которому кто-то осмелился бы угрожать. Что-нибудь посложнее. Вооруженный шантаж? Вымогательство крупных сумм у «деловых», так называемый разгон или рэкет? Может быть. Или, скажем, нападение на сберкасса? Неизвестно. Что гадать. Мало ли что еще. Конечно, все зависит от того, новичок этот «кавказец» или рецидивист, был ли он ранее судим, отбывал ли наказание. О том, что убийца был опытным, говорит только дерзость нападения. И все.

Фотографии жителей Москвы, ранее судимых и похожих по описанию на «кавказца», были показаны свидетелям, но никто опознан не был. Значит, совсем не исключено, что это был новичок. То есть человек ранее не судимый.

Вздыхнув, Иванов сосредоточил внимание на мостовой. Снег, падающий на подмерзший сухой асфальт, будто сам собой собирался в бледные вращающиеся спирали. Покрутившись, спирали скатывались вниз, на начинающую замерзать Москву-реку. Нет, все-таки ему хочется знать хотя бы что-то об этом Нижарадзе – человеке в белом пуховом спортивном костюме, останавливавшемся в гостинице «Алтай» и выехавшем из гостиницы сразу же после происшествия. Кудюм, Кудюм... Хорошо, допустим, в «Алтае» жил Кудюм. И что? Этот Нижарадзе родом из Гудауты. Насколько он помнит, Кудюм тоже имел какое-то отношение к Гудауте. Но Кудюм и убийство? С таким, как Кудюм, Садовников наверняка бы справился. Внимание Прохорова к этому Нижарадзе из гостиницы «Алтай» привлек белый пуховый костюм. Но сам-то он отлично знает: таких белых пуховых костюмов, импортных, в Грузии сотни, если не тысячи. На убийце был костюм фирмы «Карху» – это они определили по оторванному замку от застежки-молнии. Ну и что – «Карху»? Тбилиси завалено финскими костюмами. То же, что Нижарадзе выехал из гостиницы «Алтай» именно в день убийства, могло оказаться простым совпадением.

Найти этого Нижарадзе конечно же они все равно должны. И искать они будут, хотя бы для того, чтобы убедиться в том, что след ложный. Пока же у них с Прохоровым ничего нет. Ровным счетом ничего.

Иванов сидел, глядя в расплывающийся над Ленинскими горами вечерний полумрак. Народу на смотровой площадке довольно много, человек около двадцати. Он уже не раз приезжал сюда. Приезжал и стоял вот так, пытаясь представить, что же произошло здесь неделю назад. Хорошо, он попробует еще раз вникнуть в последнее утро инспектора ГАИ Виктора Садовникова.

Неделю назад, выслушав в полвосьмого утра вместе со всеми сводку дорожных происшествий за последние сутки, номера угнанных машин и описания особо опасных преступлений, тридцатилетний инспектор ГАИ Виктор Садовников сел в стоящий у дверей отделения уазик. Через пятнадцать минут он уже выходил у своего поста, здесь, у стеклянной будки на Ленинских горах. Место, по московским понятиям, малооживленное, особенно в утреннее февральское дежурство. Впадение Мичуринского проспекта в улицу Косыгина. Перекресток считается нетрудным. Можно предположить: в то воскресное утро перекресток вообще выглядел пустынным. Дальше... Дальше, скорее всего, Садовников, убедившись, что знаки на перекрестке в порядке, поднялся по лесенке в стеклянную будку. Отокнул ключом дверь, уселся на табурет, снял замок с панели управления, щелкнул тумблером автоматической регулировки светофора. Кажется, именно с этого момента все пошло так, как рассчитал «кавказец». Конечно же о том, что провод, соединяющий светофор с пультом, был недавно перерублен, Садовников не догадался. Он увидел всего-навсего, что светофор «на черном», то есть не подает признаков жизни, и все. Картина в жизни инспектора ГАИ обычная. Такое случалось и раньше.

Звонок Садовникова о неисправности был зафиксирован в семь пятьдесят утра. Примерно в это же время свидетели видели на перекрестке стоящего и ходившего милиционера. Садовников вынужден был спуститься на мостовую, чтобы регулировать движение вручную. Именно этого и добивался убийца, заранее повредив провод. Садовников ходил вот здесь, недалеко от края обрыва, ведущего вниз, к Москве-реке. Как раз здесь, где-то около восьми ноль-ноль – пяти минут девятого, две свидетельницы, пожилые женщины, выгуливавшие неподалеку своих собак, видели, как Садовников разговаривал с ходившим вместе с ним высоким человеком в белом спортивном костюме. Лица этого человека в момент беседы свидетельницы не видели – до него и Садовникова было метров около сорока – пятидесяти, да и освещение было неважным. Но одна из свидетельниц, Свирская, утверждала, что видела разговаривавшего с Садовниковым человека раньше, когда он шел ей навстречу по направлению к будке ГАИ. По словам Свирской, это был человек восточного или кавказского типа, с темными усами, лет тридцати с небольшим. С места наблюдения двух свидетельниц, Свирской и Нефедовой, беседа Садовникова и «кавказца» выглядела самой что ни на есть мирной. Изредка Садовников и его собеседник скрывались от свидетельниц, заходя за кусты, затем они возвращались. Наконец, скрывшись в очередной раз, беседующие исчезли совсем. Естественно, обе женщины не придали этому никакого значения, они ведь не имели понятия, что в эти минуты в нескольких метрах от них убивают человека. Через некоторое время Нефедова пошла вдоль обрыва и, взглянув вниз, увидела человека в милицмейской форме, лежащего на снегу с кровавой пеной на губах.

Далее произошло то, что и должно было произойти, Нефедова истошно закричала: «Помогите! На помощь! Человека убили! Помогите!» Нефедова продолжала это выкрикивать, даже когда к ней подбежали еще три женщины. Некоторое время, застыв от ужаса, они разглядывали умиравшего Садовникова. Опомнившись, Свирская и Нефедова побежали искать телефон-автомат. От потрясения ни одна из женщин не догадалась, что телефон, по которому можно было вызвать милицию и скорую, – рядом, в будке. Ближайший телефон-автомат находился далеко – метрах в двухстах, на Мичуринском проспекте. Пока женщины его нашли, пока дозвонились в милицию, пока приехала оперативная группа и скорая помощь, «кавказца» и след простыл. Садовников терял последние остатки крови. Все попытки медиков спасти его были практически бесполезны.

Старший опергруппы, отметив, что у раненого отсутствует личное оружие, отправив Садовникова на «скорой», тут же провел опрос свидетелей. Выяснил приметы преступника, передал их дежурному по городу. Все говорило о том, что убийство совершено из-за пистолета.

Из-за пистолета. Опять-таки: ну и что? На этом розыск не построишь. А на чем построишь? На приметах? Если не считать белого пухового костюма, приметы слишком общие. Высокий человек, лет тридцати, восточной наружности, с черными усами. Правда, одна из свидетельниц заметила, что у преступника было будто бы округлое лицо. Но людей южного типа с округлым лицом более чем достаточно. И ни одна из свидетельниц, увидев окровавленного Садовникова, не догадалась посмотреть вниз, на набережную! Впрочем, это бы не помогло. В тот момент «кавказец» наверняка был уже далеко от места происшествия. В утешение опергруппе осталась только сомнительная примета в виде белого пухового костюма. Если учесть расчет, с которым действовал нападавший, белые куртка и брюки были, скорее всего, умело подобранной отвлекающей деталью, с помощью которой рассчитывалось сбить с толку свидетелей и преследователей.

Иванов включил зажигание, развернул машину. Белый пуховый костюм липа, в этом он был уверен с самого начала. Костюм «Карху» был вовремя снят и спрятан в сумке.

Выждав, пока на перекрестке зажжется зеленый, Иванов поехал назад, в следственную часть прокуратуры.

Гостиница «Алтай»

В кабинете Прохорова все было так же, если не считать снятого пиджака и стоящего на столе стакана чая с заварочным пакетиком. Прохоров несколько раз дернул за нитку, от пакетика поплыло бурое облачко.

– Можем себя поздравить, – сказал он.

– А что?

– Из гостиницы «Алтай» в день убийства выехал Нижарадзе Гурам Джансугович, трижды судимый.

– Кличку не выяснили?

– Теперь уже моя очередь спросить: а что?

– Ничего. – Иванов помедлил. – Не Кудюм?

Прохоров некоторое время с интересом смотрел на Иванова. Наконец будто что-то решив, медленно отхлебнул чай.

– Кудюм, точно. Я предполагал, что вы его знаете. Он проходил в Тбилиси по многим делам. В частности, по последнему с мошенничеством. После отбытия наказания освобожден несколько месяцев назад. Выписался вроде бы домой, но по месту жительства в Гудауте его сейчас нет. Местонахождение неизвестно.

– Как его определили? По паспортным данным?

– По паспортным.

– А что-нибудь еще? В номере, например? Ну, там, приметы, следы, прочее?

Прохоров, конечно, догадался, что он имеет в виду: не нашли ли в номере «Алтая» следов пальцев Кудюма.

– Если вы о следах пальцев, следов пальцев, принадлежащих Нижарадзе, в номере не нашли.

В данном случае это было довольно важно: надо все время помнить, что дактилокарта с отпечатками пальцев Кудюма хранится в ГИЦ.

– Леонид Георгиевич, поздравляю вас. Но вы же сами понимаете, Кудюм... – Иванов помолчал. – Кудюм, засветившийся в белом пуховом костюме в «Алтае», это конечно же нечто. Но Кудюм не мог убить Садовникова.

– Все понимаю, Борис Эрнестович. Кудюм мошенник, а не убийца. Но мошенник может в любую минуту стать убийцей, он от этого не застрахован, так ведь? Поэтому надо поработать. Хорошо поработать. Вы согласны?

– Значит, я занимаюсь Кудюмом.

– Пожалуйста. Данных, что Кудюм совершил какое-то правонарушение, у нас нет. Так что, сами понимаете, во всесоюзный розыск его объявлять нельзя. Я позвонил к вам в МВД, его будут искать по ориентировкам. Но в общем-то я рассчитываю на вас. И на ваших ребят.

– О чем разговор. Я сейчас же еду в «Алтай».

Сняв трубку и набирая номер отдела, Иванов подумал о Хорине и Линяеве. Наверняка им давно уже надоело томиться в отделе. Целую неделю дальше телефонных звонков и читки сводок дело не идет. Но деться некуда, по характеру преступления, по некоторым приметам он до сих пор рассчитывает, что «кавказец» с добытым оружием как-то проявится. Именно поэтому бросил все силы на проверку сводок и звонки на места.

В трубке щелкнуло, отозвался знакомый, с хрипотцой голос:

– Хорин слушает.

– Николай, это я. Как вы там?

– Все в порядке, Борис Эрнестович.

– Линяев?

- Сидит рядом.
- Новое есть что-нибудь?
- Н-ну... – Хорин помедлил. – Кое-что есть, но вы же знаете, пока не будет проверено...
- Свежее? В смысле, я пока не знаю?
- Да, без вас тут кое-что поступило.
- По Москве?
- По Москве. Дама одна жалуется – мужа ограбили.
- Так... Ну ладно, мы скоро встретимся, расскажете. Вот что: меня интересует Нижарадзе

Гурам Джансугович из Гудауты, кличка Кудюм. Запишите. Позвоните в Абхазию, узнайте: что, как. Управитесь, захватывайте все с собой и подъезжайте к гостинице «Алтай». В гостиницу не заходите, ждите в машине. Все. До встречи.

Попрощавшись с Прохоровым, Иванов уже через полчаса остановил машину в Останкине, недалеко от гостиницы «Алтай». Долго ждать не пришлось, минут через двадцать сзади притормозила серая «Волга» с Хориным и Линяевым.

Прежде чем пересесть к ним, Иванов оглядел темневшую в стороне пятиэтажную гостиницу со слабоосвещенными окнами. Там все тихо.

Дверцу «Волги» открыл сидевший за рулем жилистый чернявый Хорин. Сев рядом, Иванов увидел кивнувшего с заднего сиденья Линяева. Если в худощавом Хорине, казалось, таится некая дрожь, как в туго натянутой струне, то Линяев, плотный невысокий блондин, в минуты покоя выглядит рыхлым, развалистым. Все это, конечно, видимость. В Линяеве были необходимые оперативнику качества, то есть и сила, и нужная резкость. Хорину же, при всей его кажущейся нервозности, никогда не изменяет спокойствие. В связи с особым характером преступления в его группу включены асы из асов. Но пока основная функция этих асов, увы, сводится к выполнению различных мелких поручений. В подобных случаях главная задача участников опергруппы находится в состоянии повышенной боевой готовности. Пригодится ли она когда-нибудь, он не знает и сам.

– Достали. – Линяев вытащил из внутреннего кармана куртки конверт. – Три. Все, что удалось.

Иванов бегло просмотрел фотографии. Все три пересняты и увеличены, узнать Кудюма на них не так-то просто. Ничего, других нет, сойдут и эти.

– В управлении о Нижарадзе пока ничего не знают, – извиняющимся тоном сказал Хорин. – Я звонил абхазцам, те тоже в неведении. Розыск оформить нельзя, сами понимаете.

– Понятно. Что там с этой... дамой?

– Да вот, сообщили из одного отделения. В центре. Пришла к ним сегодня женщина, жена заведующего «Автосервисом». Фамилия – Гари...

– Гарибова, – подсказал Линяев.

– Да, Гарибова. Говорит, вчера у ее мужа какой-то неизвестный, угрожая оружием, отобрал двадцать тысяч рублей. Как сообщили из отделения, неизвестный, описанный этой дамой, похож на «кавказца». Высокий, южного типа, лет тридцати. С усами.

– Где она его видела?

– Он пришел к ним домой. Вместе с мужем. По ее показаниям, муж был бледный, не в себе. Сказал, что это его племянник. Попросил ее снять со своей книжки двадцать тысяч рублей. Якобы для больного родственника. Она, конечно, ничему не поверила. По ее словам, неизвестный правую руку все время держал в кармане.

– Сняла она деньги?

– Да. Сняла и принесла домой, хотя это не проверено. Муж передал деньги неизвестному, и тот ушел. После этого муж ей сказал, чтобы она никому ничего не говорила. Мы попросили ребят из отделения до вас мужа не трогать. Потом она чуть ли не на коленях умоляла их не

выдавать ее, даже заявление не написала. Муж, мол, убьет. Все это они передали со слов. Мы вызвали ее повесткой, завтра в два будет у вас. Правильно?

– Правильно. Значит, пока так: ждите здесь. До упора. Но, в общем, я недолго.

Подойдя к гостинице, он толкнул входную дверь. Вошел в полуосвещенный вестибюль. Невысокий пожилой швейцар только покосился, ничего не сказав.

Иванов поднялся на второй этаж. В полутьме выделялся лишь столик дежурной. Женщина лет сорока, волосы завязаны узлом, поверх форменного халата толстая вязаная кофта. С видимым неудовольствием отложила раскрытую книгу:

– Слушаю.

– Вы – Грачева Вера Мелентьевна? – Вытянул краешек удостоверения.

Почувствовав, что разговор будет долгим, женщина аккуратно заложила страницу:

– Она самая.

– К вам, наверное, уже обращались – по поводу жилья из двести девятого?

– Обращались, а как же. Что это вы за него так, за двести девятого? Что он сделал-то?

– Вы его помните? Внешне?

– Н-ну... Вроде такой... – Дежурная потерла переносицу. – Как бы южный. Особенно-то я его не разглядывала, всех разглядывать – с ума сойдешь. Но вроде он был с усами... Крупный такой мужчина.

– Понятно.

Иванов достал из кармана три фотографии Кудюма:

– Посмотрите, не он? Не торопитесь, внимательно посмотрите.

Дежурная передвинула фотографии. Поменяла их местами у лампы:

– Вроде бы напоминает... Только... – подняла глаза, – только этот явный ведь уголовник?

А?

– Вера Мелентьевна, вы меня не спрашивайте. Посмотрите еще раз и скажите: похожи эти фотографии на жилья из двести девятого номера? Который съехал примерно неделю назад? Нижарадзе Гурама Джансуговича?

Дежурная снова принялась рассматривать фотографии.

– Отдаленно вроде можно сказать.

– А не отдаленно?

– Вроде бы тот, из двести девятого, такой был... спокойный, солидный.

Любопытно, если Нижарадзе из двести девятого был не настоящий! Но, кажется, больше ничего определенного она ему не скажет. Что ж, теперь можно заняться горничной.

В крошечной комнате отдыха в конце коридора, усевшись на стул, горничная Лена Малахова долго рассматривала фотографии. Вернула, скептически сморщилась:

– Знаете, все-таки не он. Тот был весь какой-то округлый, надутый... А этот щуплый. Нет, не он.

Дежурная могла ошибиться, фотографии все-таки некачественные. Но вряд ли вместе с дежурной ошиблась еще и горничная. Похоже, здесь жил не Кудюм, а тот, кто использовал его документы. Если так, все меняется.

– Когда вы убирали, он каждый раз был в номере?

– Я его всего два раза видела. А так убирала без него.

– Ну а когда убирали при нем, что он делал?

– Ничего не делал. Сидел, и все. То ли считал что-то, то ли писал.

– Считал или писал? Почему вы так подумали?

– Он за столом сидел, спиной ко мне, пока я ходила. Я в его сторону вообще-то не смотрела. Но так, вроде у него плечи шевелились. Все время. Будто писал. Или переставлял что-то на столе.

– Переставлял? Вы не ошибаетесь? Именно переставлял?

– Ну да. Это я так сейчас думаю. Тогда-то мне все равно было, но сейчас... – Горничная помедлила. – Самой даже любопытно. Вообще-то, кто он такой, этот двести девятый? Уголовник, что ли?

– Если это тот, кого мы ищем, – уголовник. Теперь, Лена, вот еще что. Вы ведро из этого номера выносили. Мусорное. Постарайтесь вспомнить, что было в этом ведре.

– Что там может быть? Газеты смятые. Окурки, бумага грязная. Мусор. Ничего такого не было. Обертки, помню, от вафель были. Да, обертки.

– Обертки от вафель?

– Да. Он их много, помню, накидал.

– Ну а какие они, эти обертки?

– Вы что, оберток от вафель не видели? Бумажки такие, белые. Хрустящие. Мы их, знаете, сколько выгребали.

– Понятно, Леночка. Вы о чем-нибудь с ним говорили?

– Чего мне с ним говорить? Спросила только: «Я у вас уберу?» Он: «Да, пожалуйста».

И все.

– Вы не обратили внимания – он говорил с акцентом?

– Ой, не помню. Вообще-то... Нет, не помню. Может, с акцентом.

То, что и администратор, и швейцар не смогли опознать Нижарадзе по фотографии, особой ценности не представляло – в любом случае они вряд ли детально запомнили его лицо. И все же, отпустив Хорина и Линяева и разворачивая машину к Тимирязевской улице, к дому Ираклия Кутателадзе, Иванов был почти уверен: в двести девятом номере останавливался не Кудюм.

Дом на Тимирязевской

Кутателадзе жили в старом добротном доме, принадлежавшем Тимирязевской академии, на третьем этаже. Лифта не было. Дверь Иванову открыл сам Ираклий, в шлепанцах и в спортивном костюме. Сейчас, в свои сорок два, Ираклий был подтянут и худощав, как всегда. Конечно, с первого класса оба они менялись внешне не один раз – но только не друг для друга. Лицо Ираклия – зелено-карие глаза, в меру крупный, настоящий картлийский нос, подбородок с ямочкой – всегда казалось Иванову одним и тем же. Изначально.

Увидев Иванова, Ираклий улыбнулся:

– О, какие люди... Боря, ты ли это?

– Извини, я без звонка.

– Ты о чем. Перестань. Входи, не стой.

Они поцеловались. Ираклий подтолкнул друга на кухню, успев шепнуть:

– Тебе повезло, Манана приготовила кое-что... В комнату не зову, сам понимаешь – Дато, уроки...

– Ираклий, я ничего не хочу.

– Ладно, ладно, разберемся.

Проходя на кухню, Иванов успел увидеть восьмилетнего Дато, махнувшего ему из-за своего стола. Невысокая большеглазая Манана, стоявшая у плиты, молча обняла Иванова за плечи. Улыбнулась все понимающей улыбкой, повернулась к кастрюлям. Да, что бы ни случилось, здесь, в доме Кутателадзе, он всегда будет своим. Главное, он может ничего не объяснять, его здесь всегда поймут – ничего не спрашивая.

Ужин, который подавала Манана, был таким, каким могут его сделать для друга только тбилисцы – с холодными и горячими закусками, с зеленью и свежими овощами, с домашним печеньем.

Потом, когда ушла Манана, они с Ираклием пили чай. Все вопросы, которые они могли задать друг другу, были уже заданы. Поэтому, коротко обменявшись последними новостями, они сейчас перебрасывались односложными замечаниями, смакуя и понимая каждое. Конечно, сейчас они были дальше друг от друга, чем, скажем, в школе. Зато теперь в дружбе каждого присутствовало то, что можно было бы назвать частью их детства и юности. Это значило многое, в том числе и то, что сейчас их дружба не требовала долгих разговоров. Сладостным могло стать даже короткое слово, даже просто молчание. Сладостным, потому что в этом коротком слове и в этом молчании жило ощущение всего, что тебе близко. Ощущение дружбы. Ощущение юности, ощущение Тбилиси, а значит, ощущение дома.

И все-таки, возвращаясь от Кутателадзе к себе домой, вглядываясь в мигающие ночные московские светофоры, Иванов понял: мысли его сейчас заняты только «кавказцем». Он должен, просто обязан найти убийцу Садовникова. И он это сделает. Хотя, если рассуждать реально, никаких надежд на это у него пока нет. Есть лишь небольшие достижения. Например, разговор с дежурной по этажу и горничной в гостинице «Алтай». Если вспомнить все, что связано с этим разговором, похоже, в двести девятом номере под фамилией Нижарадзе скрывался кто-то другой. Но что это ему может сейчас дать, он пока не знает.

Сопоставление

Прохоров, которому на следующее утро он изложил все эти соображения, долго вытирал пот со лба и шеи.

– Преждевременных выводов мы с вами, конечно, делать не будем. Но может быть, это действительно не Кудюм?

– Тогда кто же?

– Ну, допустим, «кавказец»?

– Может быть. Есть еще одна тонкость. Мы можем найти Кудюма и ничего не узнать.

– Понимаю. Этот паспорт Кудюм мог просто потерять?

– Вот именно. Или украли, такое бывает. Кто, Кудюм и понятия не имеет.

– Резонно. Но все-таки, Борис Эрнестович, я очень хотел бы спросить у Кудюма, когда мы его найдем: как было дело? И послушать, что он ответит. Согласитесь, это будет интересно.

Договорившись, что он будет звонить Прохорову, если узнает что-то новое, Иванов спустился вниз и сел в машину. Включил зажигание, развернулся, выехал на улицу Горького.

Он вдруг впервые попытался представить себе, кто же такой «кавказец» на самом деле. Что это может быть за человек? Странно, ничего особенно интересного придумать он не смог. Все, что он вспоминал, как неясное облако ползло сейчас в его воображении, по существу ни о чем не говоря. Высокий, темный, южного типа, надутый. Рисовалось что-то безликое, расплывчатое. Ничего конкретного. Уже подъезжая к знакомому зданию на Октябрьской площади, он мысленно вернулся к Кудюму. Откуда у «кавказца» чужой паспорт? Что, Кудюм отдал ему паспорт сам? Не похоже. Вряд ли фармазонщик по своей воле свяжется с убийцей. Значит, передача паспорта «кавказцу» с ведома Кудюма маловероятна. Но маловероятно и то, что опытный мошенник-профессионал потерял паспорт. Или что его у него украли. Потом, сам «кавказец» тоже не простачок. Конечно, то, что он, поселившись в «Алтае», использовал паспорт уголовного, могло быть простым совпадением. Но в этом мог быть и какой-то скрытый смысл. Мог.

Именно с этой мыслью Иванов остановил машину у Министерства внутренних дел и поднялся наверх, в свой кабинет.

Проработка

В его кабинете, если сравнивать, допустим, с тбилисскими условиями, все было на высшем уровне. Стены покрывали деревянные панели, зимой и летом работал кондиционер. Но главное, здесь не было того, что постоянно присутствовало в Тбилиси. В тесноватой приемной замнача РОВД, которую он занимал последние два года, постоянно стояла сутолока. Не было никаких гарантий, что в кабинете вдруг не окажется самый неожиданный посетитель.

Он часто вспоминал неповторимый аромат тбилисской зелени. Ему казалось: даже солнце в Тбилиси и то пахнет по-особому. Такого запаха он не встречал ни в одном другом городе. Все пять лет он убеждал себя, что в конце концов назначение в Москву, новая работа, переезд – все это было нужно для дела. Конечно, постепенно он узнал Москву и привык к ней, но от Тбилиси так и не освободился.

Воспоминания о Тбилиси вызвали взгляд в окно, на расстилающуюся внизу Октябрьскую площадь. Прервала их запись на перекидном календаре: «14.00. Гарибова». В два должна зайти женщина, по показаниям которой человек, похожий на «кавказца», отобрал позавчера у ее мужа двадцать тысяч рублей. Мельком глянул на часы. Двадцать пять второго. Гарибова должна скоро быть.

Позвонил. Вошли Линяев и Хорин.

– Борис Эрнестович, абхазцы сообщили: Нижарадзе Гурам Джансугович в декабре обращался в Гудаутское РОВД по поводу утери паспорта, – доложил Хорин.

– Все-таки обращался...

– Да. По оформлении документов там же, в Гудауте, ему выдали новый паспорт. В настоящее время Нижарадзе в Гудауте нет. По сведениям РОВД, по месту прописки он появляется крайне редко.

– Где он потерял паспорт?

– По его заявлению, паспорт Нижарадзе потерял в поезде Москва – Сухуми, возвращаясь из Гагры. Гостил у родственников.

– Подтверждения есть?

– Проездной билет, согласно устному объяснению Нижарадзе, он выкинул. Абхазцы обещали связаться с родственниками. А также найти поездную бригаду, чтобы выяснить о билете.

– Вы спрашивали у абхазцев, куда мог запропасться Нижарадзе? Ведь наверняка он что-то говорил? Ну там жене, родственникам, соседям?

– Есть сведения, что Нижарадзе мог уехать ближе к Пскову или Новгороду, – сказал Хорин. – Я связывался уже и с теми, и с этими.

– Еще что-нибудь из новостей? Начальство не тревожило?

– Пока нет.

– Насчет Гарибовой вы помните? Будет к двум. Не мешало бы знать выходные данные ее и мужа. Точные имена, фамилии, возраст, прочее.

– Сейчас. – Хорин достал записную книжку. – Гарибова Светлана Николаевна, домохозяйка. Тридцать восемь лет. Муж – Гарибов Георгий Константинович, директор станции автообслуживания в Тушине. Пятьдесят два. Проживают оба в центре, на улице Рылеева. Дом девять, квартира сто пятьдесят один. Детей нет.

– Не проверяли, этот Гарибов сейчас на работе? Он мог взять бюллетень, уехать, мало ли?

– Я звонил, на проходной сказали – директор на месте.

– Хорошо. Будьте у себя. Если появится Гарибова, сразу направляйте ко мне.

Оставшись один, Иванов позвонил Прохорову и сообщил новость о Кудюме.

Гарибова вошла в кабинет ровно в пять минут третьего.

Светлана Николаевна Гарибова

Это была пепельная блондинка, из тех, про которых говорят: «Она еще красива». Сероглазая, с маленьким прямым носом и пухлыми губами. Войдя, Гарибова осторожно положила на стол пропуск, села, сцепив руки. На чем, на чем, но на привычке разных женщин по-разному украшать себя Иванов взгляд набил еще в Тбилиси. Эти сухие мягкие руки и открытые прической красивые уши наверняка привыкли к золоту и бриллиантам. Сейчас украшений нет – здесь, в этом кабинете, золото и бриллианты были бы не к месту. Одета хорошо и со вкусом: вязаное, без сомнения дорогое платье, агатовое ожерелье, платиновые часики. Взгляд невидящий, бессмысленно-стеклянный.

– Борис Эрнестович, умоляю вас – вы должны обещать мне не говорить мужу. Раз я пришла, я все равно все вам расскажу. Но если муж узнает, что я была в милиции... Все. Он не простит. Вы можете это понять?

Конечно, многое она наигрывает. И все-таки сейчас в глазах у нее самое настоящее отчаяние.

– Светлана Николаевна, если меня не заставят крайние обстоятельства, самые крайние – а я надеюсь, они не заставят, – муж о вашем приходе сюда не узнает.

Некоторое время она внимательно изучала его взглядом.

– Спасибо. И... не милиции мой муж боится. Ясно же, он боится этого человека. Понимаете, в общем, мой муж очень приличный человек. До «Автосервиса» он работал на заводе главным инженером. А когда позавчера... Когда он пришел с этим... Я сразу поняла – никакой это не племянник. Все выглядело глупостью с самого начала. Племянник... Хорош племянник. Вы, наверное, уже знаете все? Вам рассказали?

– Рассказали, в общем. Кстати, когда точно это случилось?

– Позавчера. Днем. Двенадцати еще не было. Сначала позвонил муж. Говорил он вроде спокойно. Но я сразу поняла – у него что-то с голосом. «Света, пожалуйста, будь сейчас дома. Я зайду, и не один. С родственником». Я попыталась выяснить, с каким родственником. И вообще, что это за визит, в середине рабочего дня. Но на все вопросы он только повторил: «Я тебе сказал: будь дома. Это очень важно. Мы скоро будем». Ну, я кое-как прибрала. Потом слышу, минут через тридцать открывается дверь. Входят, Георгий и этот... племянник. Верзила, на голову выше мужа. Борис Эрнестович, если бы вы видели это лицо! Если бы вы его видели!

– Что в нем было особенного?

– Просто что-то страшное. Так вроде с виду молодой парень, лет тридцать, не больше. Но лицо... Знаете, ноздри какие-то торчащие, щеки надутые, глазки маленькие. Усищи такие черные, волосы тоже черные, челочкой на лоб. И все время правая рука в кармане. Не знаю даже, что у него там было. Но руку из кармана он не вынимал. Как вспомню, страшно делается.

– Как он был одет?

– В таком костюме, пуховом, спортивном.

– Белом?

– Темно-синем. Куртка, брюки. Такой, знаете, модный. Марочка слева на груди – «Адидас». Сейчас такие носят.

Если это в самом деле «кавказец», любопытно. Темно-синий костюм по аналогии с белым. Только тот «Карху», этот же – «Адидас».

– Когда они вошли, муж его как-то представил?

– Сказал: «Познакомься, Света, это мой племянник». Они прошли в комнату. Георгий сел, племянник остался стоять. Я сразу поняла – тут что-то не то. Меня просто стало колотить. Знаете, колотит, и все. Георгий сам не свой, бледный весь. Я смотрю на него, а он говорит:

«Света, у нас случилось несчастье. Тяжело больна моя родственница, тетя. Нужны деньги на операцию. Сейчас ты возьмешь книжку, паспорт и снимешь со счета двадцать тысяч. И прине- сешь сюда». У меня в глазах потемнело. Мы ведь такой суммы вообще никогда не снимали. И все это, знаете, таким металлическим голосом. Таким, что ясно – никакой больной родствен- ницы нет. Я открыла было рот, хотела что-то сказать, но тут муж на меня зарычал: «Молчи, слышишь, молчи! И делай, что сказал! Бери книжку, паспорт и снимай деньги! Пойми, это вопрос жизни и смерти!» Как он сказал «жизни и смерти», я все поняла. А он тут еще доба- вил: «И торопись, слышишь, торопись! Если ты до часу не принесешь деньги, будет плохо!» Племянник сразу же посмотрел на часы. Я запомнила – было ровно десять минут первого. Ну, после этих слов меня всю как обварило. Я поняла: никакой это не племянник. Поняла – убийца. Вот он сидит, держит руку в кармане. И ясно стало: если я не принесу сейчас этих денег до часу, он Георгия просто убьет. Тут, честное слово, в голове заметалось: до часу еще долго. Может быть, выйти и позвонить в милицию? Начала искать паспорт, книжку, пока все нашла, пока оделась – смотрю, уже двадцать минут первого. Думаю: «Успею, не успею?» Говорю: «Смот- рите, уже двадцать минут первого. У нас только до сберкасы идти минут десять». «Племян- ник» усмехнулся: «Захотите – успеете. И вот еще: когда выйдете, за вами неподалеку пойдет один молодой человек. Так что не удивляйтесь. Для надежности, все-таки сумма большая». Все, думаю, никакой милиции. Вышла, иду к сберкассе, боюсь оглянуться. Сердце колотится, встречающих почти не вижу. В сберкассе очереди не было, два человека. Контролер и кассирша у меня знакомые. Сначала говорят: «Надо было предупредить, такой суммы может не найтись». Я им говорю: «Решили дачу покупать». В общем, наскребли. Назад шла тоже как в тумане.

– Никого не видели?

– Вы что?! Я не только молодого человека, я вообще ничего не видела. Из лифта вышла, дверь открываю – руки трясутся. Что, если он возьмет сейчас деньги и нас убьет? Чтобы свиде- телей не было. Потом думаю: «Мы ведь даем деньги, зачем нас убивать?» Да и обратного пути нет – там Георгий. Все мысли в какую-то кучу. В общем, вхожу – они там. Георгий в той же позе сидит. «Племянник» рядом. Только я вошла, он сразу на часы. Муж спрашивает: «Все в порядке?» Я говорить даже не могу, протягиваю сумку. Муж отдал «племяннику». «Считайте». Тот: «Пересчитайте сами». Муж пересчитал – ровно двадцать тысяч.

– В каких купюрах были деньги?

– Около двух тысяч было сотнями. Еще около трех тысяч полсотнями. Остальные – десятки и пятерки. В брикетах.

– Номера купюр не переписали?

– Вы что?! Не в том была состоянии. Потом, за мной же следил молодой человек.

Молодой человек мог за ней и не следить. Но мог и следить.

– Значит, ваш муж пересчитал деньги. Дальше?

– Сложил в сумку и отдал этому... «племяннику». Тот к двери подошел. В одной руке держит сумку. Смотрит на нас и слушает. Долго стоял, минут, наверное, десять. А другая рука все в кармане. На лестнице тихо было, лифт только один раз проехал. Он подождал, пока лифт остановился. Наверху где-то. Потом улыбнулся, улыбочка у него такая мерзкая. «Спасибо». Дверь открыл и вышел. Все.

– Что вы стали делать дальше?

– А что мне оставалось делать дальше? Сначала кинулась к мужу. Трясу его, кричу: «Георгий, что случилось?» Кричу в голос, а он сидит с закрытыми глазами. Я кричу, а он сидит. Потом говорит тихо: «Света, хочешь, чтобы у нас с тобой все было в порядке?» Сначала я что- то говорила ему, а он только одно: «Хочешь?» Наконец я говорю: «Жорочка, ну что ты, милый, конечно хочу...» – «Так вот, очень тебя прошу, об этом случае никому не говори. Никому. Ни родственникам, ни подругам, ни знакомым. Но главное, не вздумай обращаться в милицию. Слышишь? Если ты это сделаешь – все. Считай, между нами все кончено. В ту же секунду». –

«Хорошо, – говорю, – Жорочка, хорошо, но ты мне хотя бы объясни, кто это был?» – «Не важно, кто это был. Был, и все, тебя это не должно касаться. О деньгах не волнуйся, заработаем. Все, я поехал на работу». Он уехал, а я сижу и не понимаю, что со мной. Просто не понимаю. В одну секунду кому-то отдать двадцать тысяч. Борис Эрнестович, поймите меня правильно. Я не мещанка, не стяжательница, не накопительница. Но вы понимаете? У нас были какие-то расчеты, планы. И вот в какую-то секунду все рухнуло. Ну что я буду объяснять. – Она долго молчала. – Нельзя это оставлять безнаказанным! Нельзя. Вы понимаете?

– Светлана Николаевна, вам придется написать подробное заявление. Вот бумага, ручка. Садитесь и спокойно пишите. Обязательно укажите подробности. По возможности точное время. Местонахождение и номер сберкасс. Номер вашего счета. И не бойтесь, укажите все данные вашего мужа. Место работы, должность. Место и год рождения. Короче, все данные. Сделать это все равно необходимо. Не бойтесь. Обещаю: договор, что ваш муж ничего не узнает, остается в силе.

После ухода Гарибовой Иванов некоторое время сидел, пытаясь понять свои ощущения. Похоже, это «кавказец». Само собой, надо еще проверить, насколько искренней была Гарибова. Много будет зависеть и от разговора с самим директором «Автосервиса». Но даже если Гарибова что-то и скрыла, того, что он от нее узнал, хватит, чтобы они начали заниматься «племянником».

Отправив Линяева в сберкассу на Арбате, проверить точность показаний Гарибовой, Иванов тут же поехал с Хориным в Тушино, в «Автосервис».

Посетитель

Белесое и веснушчатое лицо оперуполномоченного районного ОБХСС Байкова, сидящего за баранкой, выражало сейчас то, что и должно было выражать. Ему позвонили «сверху» и попросили оказать содействие двум работникам министерства. И вот сейчас он это содействие честно оказывает.

После вопроса о Гарибове Байков на секунду повернулся:

– Н-ну... что вам рассказать о Гарибове... Директор «Автосервиса» есть директор «Автосервиса». На посту около года. Вообще-то, товарищ подполковник, материалов на Гарибова в нашем отделе пока нет.

На след «племянника» они напали довольно быстро. Первым о проникновении на территорию «Автосервиса» высокого человека с черными усами, в костюме спортивного типа вспомнил вахтер.

– Было. Позавчера, утром, часов в одиннадцать. Точно как вы говорите, такой высокий, плотный, лет тридцати. И костюм синий. Фирмы, правда, не помню, но импортный. Я его тормознул, а он: «Друг, я к директору. По срочному делу. Дело горит, понимаешь?»

Немолодой вахтер изучающе посмотрел на Байкова. Он пытался понять, что скрывается за всеми этими расспросами. Кашлянул:

– С виду он – так вроде деловой. Такие с напором, с ними лучше не связываться. Потом, он ведь в самом деле шел к директору. Минут через двадцать они уехали вместе с Георгием Константиновичем. На директорской машине.

– Во сколько примерно это было? – спросил Иванов.

– Около половины двенадцатого.

Все совпадает. Значит, «племянник» был здесь точно.

Для уточнения деталей, поговорив еще немного с вахтером, они разделились. Хорин двинулся к ремонтникам, чтобы походить среди мастеров и «на публику» спросить двух-трех о южанине в костюме адидас. Иванов с Байковым, поднявшись на второй этаж, заглянули в приемную Гарибова. Здесь слышался легкий гул, все стулья в небольшой комнате были заняты. Несколько человек стояли у окна.

Байков кивнул немолодой, строгого вида секретарше:

– Добрый день, Алина Борисовна. Можно вас? Буквально на одну минуту.

Секретарша вышла в коридор.

Иванов улыбнулся:

– Алина Борисовна, дорогая, я хотел бы задать всего только пару вопросов. Может быть, отойдем?

– Пожалуйста.

Отойдя вместе с Ивановым к окну, секретарша покосилась на оставшегося у двери Байкова:

– Слушаю?

– Позавчера вы были на работе?

– Позавчера? Конечно.

– Вы помните посетителей, которые были у директора в первой половине дня?

– Да, конечно, помню. Вас кто-то интересует?

– Позавчера к директору мог заходить такой... Молодой человек высокого роста. Южной наружности, похож на кавказца. В синем спортивном костюме. Примерно в начале двенадцатого. Может быть, чуть раньше. Не помните такого?

– Почему же. Очень хорошо помню. Он пришел в начале одиннадцатого. Они довольно долго сидели.

– Одни?

– Одни. Георгий Константинович сразу же мне позвонил и попросил никого не впускать. Сказал, что у него важный разговор.

– У директора с этим... молодым человеком была договоренность?

– Не знаю.

– Но ведь вы же его пропустили?

– Я его не пропускала. Он прошел сам. За всеми же не уследишь. Он подождал, пока из кабинета выйдут, и вошел. Я и сказать ничего не успела. Почти тут же позвонил Георгий Константинович. Попросил, чтобы я никого не впускала, он будет занят по важному делу.

– Значит, директор разговаривал с молодым человеком. Что было потом?

– Они вместе вышли. Георгий Константинович сказал, что поедет по делам, будет после обеда.

Главное, что было нужно, Иванов выяснил. Молодой человек, похожий по описанию как на «племянника», так и на «кавказца», проник позавчера на предприятие довольно сомнительным образом. Далее. Около часа он провел в кабинете директора. О чем беседовал наедине с Гарибовым, никто не знает. Конечно, можно уже сейчас идти к Гарибову. И все же Иванов решил придерживаться прежнего плана: пусть директор, узнав об их поисках, сам позвонит Байкову. Да и он должен дать Гарибову шанс, в расчете на его совесть.

Секретарша снова покосилась на стоявшего в стороне капитана:

– Собственно, а что с этим молодым человеком?

– Ничего особенного. Просто... есть у нас кое-какие подозрения.

Они двинулись к приемной. Остановившись у двери, секретарша посмотрела на Байкова:

– Так я не понимаю, вы еще придете? И вообще, мне что, говорить о вас Георгию Константиновичу?

– Придем, обязательно придем, – сказал Байков. – А насчет Георгия Константиновича... Смотрите сами, Алина Борисовна. Секрета здесь особого нет, но... Мы ведь тоже не знаем, как у нас будет со временем.

Иванов просидел в отделе до позднего вечера, но ожидаемого им звонка от Гарибова так и не дождался. Спустившись, уже в машине подумал: «Может, поехать к Гарибову домой? Нет. Слишком крайняя мера».

Домой ему все же поехать пришлось, но не к Гарибову, а к Прохорову. Набиваться в друзья и гости Иванов не любил, но в данном случае он просто обязан был как можно скорей сообщить следователю о «племяннике».

Сомнения

Прохоров жил в районе Измайлово, недалеко от метро «Первомайская». Иванов помнил только улицу, номер дома следователя и телефон. Дом он разыскал не без труда, им оказалась еще не вписавшаяся в нумерацию новая семнадцатизэтажка. Остановил «Ниву» во дворе, вышел. Нашел будку телефона-автомата, набрал номер.

Трубку снял сам Прохоров:

– Да?

– Леонид Георгиевич, Иванов...

– О, Борис Эрнестович... Рад звонку. Что-нибудь случилось?

– Я тут недалеко от вас. Во дворе вашего дома. Надо кое-что рассказать. Может, спуститесь? И поговорим в машине?

– Так, Борис Эрнестович, поднимайтесь лучше ко мне! Жена уйдет в другую комнату, сын давно спит. Я поставлю чайку, выпьем, поговорим. Давайте?

– Все же, Леонид Георгиевич, лучше спуститесь вы. Я не предупредил, да и поздно. Пожалуйста!

Трубка помолчала, наконец раздался вздох.

– Ну хорошо. Вы где встали?

– Я в голубой «Ниве». Стою у среднего подъезда.

– Спускаюсь.

Выйдя из подъезда, Прохоров сел рядом с Ивановым:

– Слушайте, товарищ оперативник, может, нам пора перейти на «ты»? Не против?

Иванов улыбнулся. Пожал протянутую руку:

– Не против. Давайте.

– Давай. И рассказывай, что случилось.

Иванов подробно изложил историю, случившуюся с Гарибовыми.

Выслушав, Прохоров посидел молча. Потер щеку:

– Д-да... Знаешь, мне кажется, с этим «племянником» стоит поработать.

– Может, я зря отложил разговор с Гарибовым? Что, если позвонить ему сейчас? И подъехать?

– Нет. Ты все сделал правильно. Одна ночь ничего не решит. Потерпим. У тебя все?

– В общем-то все.

Взявшись было за ручку дверцы, Прохоров откинулся на сиденье:

– Что-нибудь смущает?

– Смущает. Причем все то же: прогулка Садовникова и «кавказца».

Прохоров ничего не ответил. Этот эпизод – спокойная прогулка перед тем, как «кавказец» нанес Садовникову два смертельных удара, – был уже, казалось, исследован и обговорен со всех сторон. Садовников был не просто опытным инспектором ГАИ, он прошел еще и специальную подготовку, ибо работал на важной трассе. Человеку, который мог напасть на него хотя бы в теории, Садовников просто никогда не позволил бы выбрать удобный момент для нападения. И естественно, никогда не стал бы с ним прогуливаться, спокойно беседуя. Но Садовников поступил именно так. Это явствовало из показаний двух свидетельниц, никак не связанных друг с другом и наверняка не заинтересованных в даче ложных показаний.

Значит, Садовников прогуливался с человеком, от которого он не ждал нападения. Таким человеком мог быть, во-первых, его родственник или знакомый, во-вторых, сослуживец. Но тщательная проверка показала: никто из родственников, знакомых или сослуживцев Садовникова, хотя бы отдаленно напоминающих «кавказца», не мог оказаться в то февральское утро на Ленинских горах. Кроме того, версия о сослуживцах, то есть работниках органов внутрен-

них дел, рассматривалась лишь теоретически. Без всякого сомнения, Садовников был убит из-за служебного оружия, пистолета системы Макарова, похищенного убийцей. Но работнику МВД, и так имеющему доступ к служебному оружию, идти на это убийство было совершенно незачем. Что же касается знакомых, этот вариант отбрасывался не столько проверкой, сколько последними словами Садовникова, которые отчетливо слышали переносившие его в «скорую помощь» участники патрульно-милицейской группы. Умирая, Садовников сказал: «Черные усы... что-то от кавказца...» То есть попытался описать внешний вид убийцы. Но пытаться описывать внешний вид знакомого человека в такой ситуации в высшей степени нелогично. А вот незнакомого – совсем другое дело.

Вздыхнув, Иванов сказал:

- Дорого бы я дал, чтобы понять: о чем они могли говорить.
- Ты имеешь в виду прогулку у обрыва?
- Да. Ведь инспектор ГАИ, такой, как Садовников, должен был чем-то заинтересоваться.

Чтобы вот так ходить и слушать постороннего.

- Значит, чем-то заинтересовался. Если ходил и слушал.
- Понять бы чем.
- Боюсь, этого никто уже не объяснит.
- Жаль.
- Жаль. Но мне кажется, сейчас лучше не теоретизировать. Тем более вырисовывается

что-то реальное. С твоим «племянником».

- Пожалуй. Ладно, Леня. Завтра, как только что-то выяснится, позвоню. Счастливо.
- Счастливо. И запомни: в следующий раз уже не отвертись, а поднимешься ко мне.

Понял?

- Понял.

Георгий Константинович Гарибов

Утром Иванов позвонил Байкову:

– Ну что? Никаких новостей?

– Пока нет, товарищ подполковник. Все тихо. Гарибов с утра вышел на работу. Звонить и не думает.

– Придется вам поехать к нему и поговорить. Ждать больше мы не можем. Скажете: по нашим данным, два дня назад у вас был человек, которым мы интересуемся. Мол, что вы можете о нем сообщить?

– А если начнет отнекиваться?

– Продолжайте разговаривать. И предупредите меня, я подъеду.

Вскоре позвонил уже Байков:

– Товарищ подполковник, Гарибов не выдержал. Позвонил сам.

– Сознался?

– Сказал, есть важный разговор. Выехал ко мне, скоро будет.

Когда Иванов вошел в кабинет Байкова в РУВД, Гарибов уже сидел там. Внешне это был человек скорее плотный, чем худой. На директоре был хорошо сшитый темно-серый костюм, темная рубашка, аккуратно повязанный галстук. Несмотря на наметившуюся лысину и резкие морщины, на вид Гарибову никак нельзя было дать даже пятидесяти. Темные глаза из-под густых бровей смотрели на Иванова уверенно и спокойно.

Байков вздохнул:

– Вот, Борис Эрнестович. Не получается что-то у нас с Георгием Константиновичем.

– Поясните, – подыграл Иванов, садясь на стул. – Что не получается?

– Да вот, не получается серьезного разговора.

– А в чем дело?

– Да вот спросил я Георгия Константиновича, что он может сказать по поводу интересующего нас молодого человека. Вы помните?

– Помню. – Иванов посмотрел на Гарибова. – Молодого человека в синем спортивном костюме? Который был в «Автосервисе» два дня назад?

– Точно. Так вот, Георгий Константинович упорно утверждает: это его родственник.

– Родственник?

– Да. Племянник. Представляете? Все бы ничего, одно настораживает: Георгий Константинович утверждает, что он ничего об этом своем племяннике не знает.

– Ничего не знает?

– Совершенно верно. Даже фамилии. Представляете?

– Это в самом деле так, Георгий Константинович? – спросил Иванов.

Гарибов, разглядывающий свои руки, чуть шевельнулся:

– Не понимаю только одного: почему это так удивляет? Бывают особые обстоятельства.

– Какие же?

– Он сын моей сестры. Но, так сказать, незарегистрированной сестры.

– Как понять «незарегистрированной»? – спросил Байков.

– Наше родство нигде не зафиксировано. Отец у нас один, но матери разные. Мы практически не общались. Фамилию сестра носит по матери. Какую, я понятия не имею. И вообще, я о них почти ничего не слышал. По-моему, не такие уж это удивительные обстоятельства.

Некоторое время все трое молчали.

– Интересно, – сказал Иванов. – Вы о них почти ничего не слышали. Как же вы узнали племянника?

– Я видел его еще маленьким. Сестра приезжала с ним, когда умер отец. Сейчас, когда он пришел, я его узнал.

– Понятно. И как его зовут?

– Олег.

– А по отчеству?

– Отчества я не знаю.

– Разве не как у вас? – спросил Иванов.

– Вряд ли. Если фамилия по матери, то отчество, наверное, тоже не по отцу.

– А фамилию не помните или никогда не слышали?

– Я ее никогда не знал. Мама, наверное, знала, я – нет.

– Простите, ваша мама жива?

– Умерла. Десять лет назад.

– Ясно, Георгий Константинович. Значит, он, то есть ваш племянник Олег, к вам пришел, и что?

– Пришел, поздоровался. Я его узнал. Сказал, что приехал специально ко мне.

– Откуда приехал, где живет, он не сказал?

– Где-то на Украине. Не помню точно. Поймите, я был взволнован.

– Неужели совсем не запомнили? Хотя бы примерно? Что это – город, село?

– Кажется, он назвал город.

– Какой? На какую букву хотя бы?

– По-моему, Днепропетровск. Или Днепродзержинск. Что-то в этом роде.

– Значит, будем считать – Днепропетровск или Днепродзержинск. Что было дальше?

– Олег сказал, что моя сестра больна. Нужна срочная операция. Спасти ее могут только в Москве, лучшие специалисты. Чтобы попасть в Москву, нужны большие деньги. Потом потребуются лекарства из-за границы, уход. Тоже нужны немалые деньги. Попросил помочь.

– И много денег он попросил?

Гарибов помедлил. Будто обдумывал ответ.

– Много. Двадцать тысяч рублей.

– Ого. Неужели столько надо?

– Это очень сложная операция. И очень тяжелая болезнь. К тому же Олег просил в долг. Обещал со временем вернуть.

– И вы дали?

– Конечно. Ни секунды не задумываясь.

– Почти незнакомому человеку?

– Ну и что? Он же родственник. У меня не так много родственников. Потом, в такой ситуации, думаю, не только я дал бы деньги.

На секунду у Иванова мелькнуло: может быть, все это правда и все действительно было так, как рассказывает Гарибов? Но это сомнение он тут же отбросил. Кажется, он недооценил Гарибова. Конечно, все, что касается «незарегистрированного» родства, выдуманно, но все тщательно продумано. Настолько тщательно, что, если Гарибов твердо решит стоять на своем, выбить почву у него из-под ног будет очень трудно, почти невозможно.

Иванов перевел взгляд с телефонного аппарата на Гарибова:

– Как же вы отдали деньги? Они что, лежали у вас в столе?

– Зачем в столе. Мы с Олегом поехали ко мне домой. У нас есть некоторые сбережения. У меня и у моей жены. Я попросил жену снять с нашей книжки двадцать тысяч. Деньги мы не разделяем. Она сняла, я передал их Олегу. Он уехал.

– Куда точно он уехал, вы не поинтересовались?

– Нет. Он сказал – торопится, у него билет на вечерний поезд.

– На какой? Может быть, он назвал вокзал?

– Нет. Сказал, домой. Этого мне было достаточно.

Ясно: это рэкет. У Гарибова «изъяли» двадцать тысяч. Но сообщать об этом ограблении он не хочет. Бойтся. Почему – объяснений может быть много. Главное объяснение конечно же какая-то связь с «кавказцем». Какая? Скорее всего, Гарибов все-таки жертва. Жертва, не желающая выдавать преступника. Значит, как-то связанная с ним.

Иванов сделал незаметный знак Байкову: оставьте нас одних. Капитан, сославшись на дела, вышел. Сейчас надо сделать все, чтобы Гарибов сказал правду. Именно сейчас. Потом может быть поздно. С каждым новым объяснением Гарибов будет заучивать свою версию. Иванов – искать несоответствия и возражать. Обычная игра. Но пока будет идти эта игра, уйдет время. А с ним и «кавказец».

– Георгий Константинович, повторяю: мы считаем, что я принял ваши объяснения. Но вы же разумный человек. Оба мы знаем: у вас отняли двадцать тысяч. Не важно как – обманом, силой, угрозой оружия, – но отняли.

– Не отняли. Эти деньги я отдал сам.

– Допустим. Теперь подумайте: что будет, если я всерьез приму вашу версию о «племяннике»? Вы представляете, что будет?

– Это не версия. Это правда.

– Упрямый вы человек. Ладно. Допустим, мы считаем: ваше объяснение чистая правда. В таком случае вы знаете, что ваш «племянник» – особо опасный преступник? Объявленный во всесоюзный розыск?

– Первый раз слышу. – Рука Гарибова незаметно потянулась к зажигалке. Иванов сделал вид, что не заметил этого.

– Хорошо. Верю. Вы могли об этом не слышать. Так вот, по нашим данным, ваш «племянник» объявлен в розыск по всей территории СССР. Как опасный преступник, совершивший тяжкие преступления. За каждое из таких преступлений ему грозит исключительная мера наказания.

Он сделал паузу, нарочно затянув ее. Гарибов не пошевелился.

– Вашим объяснением, выдающим этого преступника за вашего родственника, вы ставите себя с ним на одну доску. Зачем это вам? Георгий Константинович, вы ведь умный человек. Поймите, версия с «племянником» никому не нужна. Ни мне, ни вам. Лучше сказать правду.

Не меня выражения лица, Гарибов потянулся к карману. Достал пачку «Пэлл-Мэлл». Посмотрел на Иванова:

– Я закурю. Разрешите?

– Конечно. – Уловив жест, Иванов покачал головой. – Спасибо, я не курю.

Гарибов щелкнул зажигалкой. Не спеша прикурил, глубоко затянулся. Выражение его лица казалось задумчиво-отсутствующим. Вероятно, Гарибов срочно пытался еще раз все взвесить. Может быть, понять, как нужно и можно себя вести.

Знать бы только, насколько Гарибов честен. Дело даже не в деньгах. В Тбилиси Иванов знал людей, у которых гораздо больше денег, чем у Гарибова, и абсолютно честных. Пока для него Гарибов – загадка. Во всяком случае, понять, связан ли как-то директор «Автосервиса» с нарушением закона, сейчас сложно. Но ясно, этот человек попал в трудное положение.

Гарибов положил сигарету на край пепельницы:

– Хорошо, Борис Эрнестович. Я буду говорить правду. – Помедлив, Гарибов снова взял сигарету. Несколько раз затянулся, разглядывая дым. – И поймите меня тоже. Вы были когда-нибудь в положении, когда вам приставляют нож к горлу? Вернее, дуло пистолета?

– У него был пистолет?

– Был. Как только он вошел, достал пистолет. Все остальное шло уже под этим соусом.

– Что «остальное»?

– Разговор. Обычный разговор. Если, конечно, его можно считать обычным. Говорилось все тихим голосом. Мол, так и так, нужны двадцать тысяч. Срок до часу дня. Если к этому времени денег не будет, я буду убит. Кроме того, у моего дома дежурит еще один. Они знают, что жена сейчас дома. Если до пяти минут второго денег не будет, второй человек войдет в квартиру и убьет также мою жену. И заберет все, что считает нужным. Если же я отдам деньги до часу дня, они уйдут. И я с ними никогда больше не встречу. Так сказать, гарантия. Такие условия.

Докурив сигарету, Гарибов осторожно притушил ее о край пепельницы.

– Я не знаю насчет героизма. Как все это бывает. Говорят, люди идут на пули, ложатся на гранаты. Ну и так далее. Но я, наверное, не герой. Впрочем, может быть, в каких-то обстоятельствах и я пошел бы на пули. Но знаете, когда ты сидишь вот так... И когда тебе говорят про жену, поневоле начинаешь взвешивать. И решать, что лучше. Двадцать тысяч или собственная жизнь. И жизнь жены.

– Георгий Константинович, вы знаете этого человека?

В глазах Гарибова сейчас отражалось все, что угодно. Злость. Ненависть. Недоумение. Но только не колебание.

– Не знаю. И вообще, надо уходить с этой должности. Считается: все директора «Авто-сервисов» миллионеры. Видимо, поэтому он и пришел ко мне.

– Давайте уточним вопрос. Согласен, может быть, именно этого человека, с пистолетом, вы не знаете. Но наверняка вы можете предположить, кто мог его к вам подослать.

– Борис Эрнестович, предположить я мог бы, если был бы в чем-то замешан! В чем-то, понимаете, хоть в чем-то! Но я ни в чем не замешан! Ни в чем! Я обычный человек!

– Может быть, все-таки кто-то вызывает у вас подозрение?

– Борис Эрнестович, неужели вы думаете, я не прикидывал? Вертел так и этак. Мало ли, может, кто-то из знакомых? Или из тех, кто у нас обслуживается? Бывшие сослуживцы, допустим. Враги, наконец. Да мало ли кто?

– И что же?

– Не понимаю. Не идет ничего в голову, и все. Убивайте, не идет.

Полное впечатление – Гарибов действительно не знает ни «кавказца», ни того, кто его навел.

– Хорошо, Георгий Константинович. Будем считать, вы действительно ничего не знаете. Но в таком случае вы должны были сразу позвонить в милицию. И сообщить, что на вас было совершено разбойное нападение.

– Здесь я виноват. Просто испугался. Знаете, уже потом, когда все произошло, меня охватил страх. Но я ведь в конце концов позвонил.

– Поздновато. Да и здесь тоже сочиняли какие-то басни. Не к лицу это вам. Да, кстати, почему грабитель стал «племянником»? Кому пришла эта идея?

– Он сам предложил. Как только вошел, сразу достал пистолет, сел и стал объяснять, что и как. Во-первых, я должен был тут же позвонить секретарше: важное дело, буду очень занят, пусть никого не впускает. Во-вторых, я ведь тоже не сразу согласился. Мол, у меня просто нет таких денег. Потом, когда понял, что дело серьезное... А понял – стали сообща выяснять, как я могу передать ему двадцать тысяч. Он спросил: «У вашей жены деньги на книжке есть?» Раз есть, значит, я должен сказать, что он – мой племянник. Ну и... всю остальную сказку.

– Вы не заметили, какой системы у него был пистолет?

– Насколько я понял, наш пистолет. Армейский. Системы Макарова.

– А внешность этого «племянника»?

– Высокий. Да, высокий и крепкого сложения. Черные волосы, черные усы. Лицо... такое, как бы сказать, неприятное. Нос небольшой, курносый. Глаза светлые. Говорил он с легким акцентом. Думаю, кавказец. А вот кто точно... Грузин, армянин, азербайджанец... Не знаю.

Подписав протокол допроса, Гарибов ушел.

Иванов набрал его домашний номер. Трубку сняла хозяйка.

– Аллю? Слушаю вас.

– Здравствуйте, Светлана Николаевна. Это Иванов, из милиции. Помните?

– Д-да. Конечно.

– Светлана Николаевна, нам надо встретиться. Есть серьезный разговор. Как у вас со временем завтра? Скажем, в первой половине дня... В час дня? Пропуск будет выписан. Адрес вы знаете. Жду. Всего доброго, Светлана Николаевна.

Сообщив о заявлении Гарибова дежурному на Петровку, 38 и договорившись о направлении опергруппы на квартиру Гарибовых, набрал номер отдела. Сказал снявшему трубку Линяеву:

– Сергей, ты или Хорин свяжись с Петровкой. Заявление Гарибова есть, я им уже сообщил. Выезжайте с ними на квартиру Гарибовых.

– Понял, Борис Эрнестович.

Разглядывая в окно мокрую мостовую, подумал: «По сути, о «кавказце» мы по-прежнему ничего не знаем».

Алексей Павлович

До вечера пришлось заниматься текущими делами. Вся опергруппа была в сборе. Хорин упорно звонил по всем мыслимым и немыслимым окраинам, выясняя, не видели ли там Кудюма. Линяев сообщил: следы пальцев, взятые в квартире Гарибовых, отправлены в лабораторию.

Иванов уже собирался уходить, когда раздался звонок. Он снял трубку:

– Иванов вас слушает.

Он явственно слышал чье-то придыхание. Наконец мужской голос спросил:

– Простите, Борис Эрнестович?

Голос довольно мягкий. Но вопрос прозвучал твердо, без колебаний.

– Борис Эрнестович. Извините, кто это говорит?

– Я звоню вам по поводу Гарибова.

– По поводу Гарибова?

– Да. Вернее, обстоятельств, связанных с Гарибовым. Вы ведь в курсе.

– Сначала скажите, кто вы? Я ведь должен знать, с кем говорю?

– Вы это узнаете. Но я хотел бы сказать вам об этом лично.

Человеку, который с ним говорит, наверняка за сорок. Судя по голосу, занимает в жизни не последнее место.

– Вы хотите со мной встретиться?

– Да. Но только на нейтральной почве.

– Как понять «на нейтральной почве»?

– Где-нибудь в городе. Это возможно?

Может быть, это кто-то, связанный с «кавказцем»? Вряд ли. «Кавказец» не из тех, кто сам полезет в петлю. Скорее, звонивший как-то связан с Гарибовыми. Иначе откуда этот человек узнал его телефон?

– Возможно. И когда вы хотите встретиться?

– Чем скорее, тем лучше. Сейчас вы можете? Скажем, минут через сорок. Вас это устраивает?

– Вполне. Где мы встретимся?

– В кафе. – Голос назвал кафе в центре, в котором собиралась главным образом молодежь. – Но вы должны обещать, что придете один.

Иванов не любил давать обещаний. Но в любом случае в кафе он отправился бы один. Поэтому сказал:

– Хорошо. Я приду один.

– Спасибо. Буду ждать вас в кафе. На первом этаже, столик в дальнем углу. Там может быть очередь, на всякий случай я предупрежу швейцара. Скажете ему... Скажете, что вы к Алексею Павловичу. На мне будет серый костюм, очки. А как я узнаю вас?

– Я подойду и представлюсь.

– Значит, через сорок минут. До встречи.

– До встречи.

Положив трубку, Иванов посмотрел на часы. Без пятнадцати шесть. По манере говорить – голос культурного человека. Как минимум с высшим образованием. Интересно... В кафе он должен быть в двадцать пять седьмого. Время еще есть. На встречу он пойдет один. Но подстраховка нужна.

Он нажал кнопку и вызвал Хорина и Линяева. Через минуту они сидели у него в кабинете.

– Только что мне позвонил какой-то человек. Сказал, что хочет поговорить по поводу Гарибова. Назвался Алексеем Павловичем.

Линяев промолчал. Хорин скорее из вежливости отозвался:

– Интересно...

– Встреча назначена на восемнадцать двадцать пять, в кафе. Этот Алексей Павлович попросил, чтобы я пришел один. Я и без его просьбы пошел бы один. Но поскольку все это касается не только Гарибова, но и Садовникова, сами понимаете.

– Понимаем, – кивнул Линяев.

– Придется вам посидеть в машине. Подъедете чуть позже меня. Встаньте и ждите. Если я выйду и просто сяду в свою машину, поезжайте следом. Когда остановлюсь – поговорим. Остальное – по обстоятельствам.

...У кафе Иванов остановил машину почти у входа, осмотрелся.

На ступеньках небольшая очередь. За стеклянной дверью – пожилой швейцар. Фуражка с золотым галуном, как положено. Табличка «Мест нет». Очередь человек десять. Девочки, мальчики – самым старшим не больше двадцати. За окнами кафе темно, вспышки светомузыки.

Стараясь не привлекать внимания очереди, Иванов вышел из машины. Подошел к двери, постучал в стекло. Встретившись взглядом со швейцаром, показал глазами: надо. По виду его сейчас можно было принять за лицо свободной профессии. Возраст неопределенный. Одежда – тонкая кожаная куртка, свитер, узкие брюки, ботинки, рассчитанные на уличную слякоть. Все, как надо.

Швейцар приоткрыл дверь:

– Вам что, молодой человек? Мест нет, все занято.

Чуть надавив, Иванов быстро проскользнул в образовавшуюся щель. Очередь подалась было за ним. Из-за этого швейцар отвлекся, накидывая скобу. Не давая опомниться, Иванов тихо, со значением проговорил:

– Мне очень надо. Вас должны были предупредить.

Не дожидаясь ответа, прошел в зал. Здесь по-прежнему вспыхивала светомузыка, но уже смешиваясь с глухими ударами из динамиков и общим шумом зала. Огляделся. Кафе в основном заполнено такими же мальчиками и девочками, что стоят снаружи. А вон и столик в дальнем углу. Лицом к залу сидит человек в сером костюме и очках. Невысок, худощав. Волос на голове почти нет, а их остатки на неровном черепе аккуратно подстрижены. Маленькие светлые усики. На вид – немного за сорок. Достает сигарету из лежащей на столе пачки.

Иванов подошел, остановился у столика. Сигареты достаточно редкие, «Фифс авеню». И зажигалка не из дешевых, электронный «Ронсон».

– Простите, вы Алексей Павлович?

– Совершенно верно. Алексей Павлович. А вы Борис Эрнестович?

– Борис Эрнестович.

– Садитесь. Не знал, что вам заказать, поэтому пока взял только себе.

– Мне только кофе. – Иванов сел.

Мужчина смотрит, чуть улыбаясь. В прищуренных серых глазах настороженная приветливость. Похоже, взгляд отработанный. Для своего возраста моложав. Тонкая голубая рубашка, подобранный в тон галстук, на левом безымянном пальце кольцо-печатка.

– Слушаю, Алексей Павлович. Вы хотели со мной поговорить?

– Хотел. – Алексей Павлович протянул пачку. – Пожалуйста. Вы курите?

– Не курю.

– Прекрасно. А я – если позволите. – Алексей Павлович взял зажигалку, не спеша прикурив. Глубоко затянулся, осторожно выпустил дым в сторону. Сделав несколько затяжек, положил сигарету на край пепельницы:

– Понимаете, все это... Звонок вам по телефону, встреча здесь... Все это я затеял по собственной инициативе. Сам. Но толкнула меня на это забота о безопасности нескольких людей... Им угрожает серьезная опасность. Очень серьезная.

– Кому «им»? Что это за люди?

– В первую очередь, конечно, это я сам. Во-вторых, это мои друзья.

– Кто именно?

– Люди в высшей степени порядочные. Со всех точек зрения. В том числе и с точки зрения закона.

– Прекрасно. Ну а остальное?

– Что остальное?

– Кто они? Их имена, фамилии? Где живут, работают?

– Могу назвать только одного человека. Гарибов Георгий Константинович. Вы ведь его знаете?

– В какой-то степени. А вы хорошо с ним знакомы?

– Это мой друг. Давний и очень близкий.

– И что же Гарибов? Что ему угрожает?

Алексей Павлович вздохнул:

– Борис Эрнестович, вы ведь все знаете про Гарибова. Давайте говорить начистоту.

– Давайте. Я с самого начала за это. Так что же я про него знаю?

– Вы прекрасно знаете, что на него напали. Знаете, что под угрозой жизни его заставили отдать двадцать тысяч рублей. Вам все это известно.

– Допустим. Интересно только, откуда это знаете вы?

– Мне рассказала Светлана Гарибова. Насмерть перепуганная. Ну и, чтобы у вас не было никаких сомнений, вот моя визитная карточка.

Иванов взял протянутую визитку, прочитал: «Шестопалов Алексей Павлович. Заслуженный деятель науки РСФСР. Директор НИИ «Дорстрой».

Шестопалов продолжил:

– По Москве ходит убийца. Вооруженный. Сегодня он ограбил Гарибова, до Гарибова побывал у кого-то еще. Завтра придет еще к кому-то.

– Вы не подозреваете, с кем этот убийца может быть связан?

– Дорого бы я дал, чтобы понять это. И все же я думаю... – Шестопалов помолчал. – Я думаю, что он как-то связан с городом Сочи.

– Почему именно с Сочи?

– Борис Эрнестович, вы можете допустить, что это предположение носит чисто интуитивный характер?

– Не знаю. Интуиция всегда имеет под собой реальные обоснования. Хорошо. Раз вы не хотите сейчас об этом говорить, вернемся к этому потом. Вы сказали: «Завтра придет еще к кому-то». Почему вы в этом так уверены?

– А вы в этом не уверены? Есть у меня такое предчувствие. Исхожу из характера.

Шестопалов подозвал официантку.

Пока он делал заказ, Иванов вспомнил: «До Гарибова побывал у кого-то еще». А если «кавказец» приходил к кому-то еще и Шестопалов об этом знает? Вообще-то фраза была произнесена как оговорка, но к ней стоит вернуться.

Официантка поставила кофе. Сделав глоток, Иванов поинтересовался:

– А другие ваши друзья? Кто они?

– Я не могу назвать их имена. И очень просил бы вас не настаивать.

– Может быть, у ваших друзей есть какой-то общий признак?

Шестопалов приподнял чашку, будто разглядывая. Поставил на блюдце.

– Увы. У них есть общий признак. Отличающий в том числе и меня. Не знаю почему, но этот признак обычно вызывает недоверие. Особенно у вас, у милиции. Это состоятельные люди. У каждого есть дача, машина, деньги на книжке. Вот и весь признак. Но назвать их я, на мой взгляд, не имею права.

– А не лучше, если вы посоветуетесь с вашими друзьями, и мы вернемся к этому разговору? – предложил Иванов.

– Пожалуй.

– В таком случае, когда?

– Завтра. Лучше, если в этом же месте, в этот же час.

– Договорились. Но хотелось бы вернуться к некоторым вашим словам. Правда ли, что до Гарибова грабитель побывал у кого-то еще?

– Борис Эрнестович, я этого не утверждал. Я просто предположил, что до Гарибова он мог быть у кого-то еще. И все. Да, я подозреваю, что он был еще у одного из моих друзей. Но пока это только подозрение.

Когда Иванов коротко передал содержание разговора Линяеву и Хорину, те некоторое время обдумывали услышанное.

– Надо выяснить его окружение, – сказал затем Хорин. – И позвонить сочинцам.

– Верно. Займись этим, Николай. – Иванов протянул Хорину визитную карточку. – Много за сутки ты не узнаешь, но все же выясни, что сможешь.

Круг лиц

Утром Иванов поехал в прокуратуру. Выслушав рассказ о Шестопалове, Прохоров промурлыкал что-то вроде «бум-бум-бум» и высказал предположение:

– Шестопалова и его знакомых что-то объединяет. Ты сам не пытался прикинуть, что может сблизить этих мифических людей?

– Пытался, но пока ничего не выходит. Ясно только – не уголовники. Ни Гарибов, ни Шестопалов.

– Но что-то же их объединяет?

– Объединяет. В час дня у меня встреча с Гарибовой. Постараюсь у нее выяснить.

Условившись, что будет звонить, как только появится что-нибудь новое, Иванов поехал на Октябрьскую. По дороге он снова попытался понять суть неуловимой общности Гарибова и Шестопалова. Вариантов было много, и все-таки ни на одном он не мог остановиться. Единственное, что он знал точно, – этих двух людей объединяет что-то знакомое. То, с чем он уже сталкивался. Это знакомое было в манерах, в одежде, в марках сигарет, в печатках на пальцах. Даже в образе мыслей.

В управлении он коротко доложил начальству о вчерашних событиях. Так же как и вчера, генерал выслушал его с повышенным интересом. Это было понятно: если считать, что «кавказец» и «племянник» – одно и то же лицо, в чем можно было уже не сомневаться, розыск выходил из некоего безвоздушного пространства, в которое поневоле попал в первые дни после убийства Садовникова. Обращение Шестопалова в милицию вкупе с выходом на Гарибовых переводило работу в реальную плоскость. Теперь вместо гадания на кофейной гуще Иванов мог вплотную заняться людьми, как-то связанными с убийцей: Гарибовым и Гарибовой, Шестопаловым, Кудюмом. Возможно, вскоре к ним прибавится еще несколько человек. Но для этого, прежде всего, надо заняться выяснением всего, что касается окружения этих людей.

Изложив начальнику управления основные соображения и получив добро, Иванов заглянул в комнату Линяева и Хорина. Нового ничего не узнал: Линяев звонил по телефону, безуспешно пытаясь установить местонахождение Кудюма, Хорина на месте не было – собирал данные о Шестопалове.

Вернувшись в свой кабинет, Иванов взялся за бумаги, но довести работу до конца не успел – раздался стук в дверь и вошла Гарибова.

Светлана Николаевна выглядела как и в первый свой визит: дорогое, но скромное платье, минимум украшений. Войдя, дежурно улыбнулась:

– Здравствуйте, Борис Эрнестович. – Присела на предложенный стул. – Вы просили – я пришла.

– Спасибо.

Иванов решил сразу начать с главного:

– Светлана Николаевна, я вызвал вас затем, чтобы вы рассказали об окружении вашего мужа. Друзьях, знакомых. Причем давайте договоримся с самого начала – говорить по возможности откровенно.

– Н-но... Если, как вы просите, откровенно... У него их очень много. Знакомых. Я бы даже сказала, бесчисленное количество. Не знаю даже, с кого начать.

– Начните с самых близких друзей. С тех, с кем вы дружите семьями.

– Это в основном мои друзья.

– Об этих не надо. Нас интересуют друзья вашего мужа.

– Они одновременно друзья и Георгия... Правда, у него есть еще друзья...

– Как понять «еще друзья»?

Гарибова явно колебалась. Это означало только одно: он на правильном пути. Выждав, Иванов мягко сказал:

– Светлана Николаевна, мы ведь уговорились говорить откровенно.

– Хорошо. Хорошо, Борис Эрнестович. Но только я опять хочу попросить вас... Чтобы ни муж, ни его друзья ничего не знали.

– Это подразумевается, Светлана Николаевна.

Гарибова долго молчала. Наконец еле слышно спросила:

– Какое увлечение может заставить мужчину не обращать внимания на женщину?

– Затрудняюсь ответить.

– Борис Эрнестович, неужели не ясно? Это – карты!

...Подписав Гарибовой пропуск, Иванов проводил ее до двери. Вернувшись, сел за стол. Значит, это карты... Еще раз перечитал фамилии и должности названных Гарибовой друзей мужа. Самым близким другом она считала Шестопалова. Большинство же остальных были для нее лишь карточными партнерами мужа, не более. Чаще всего в доме Гарибовых появлялись некто Илья Егорович, директор гастронома, Юра, называвший себя стоматологом, и Игорь Борисович, работавший, опять же по непроверенным данным, администратором филармонии.

В эту минуту Иванов, сопоставив все, что он почерпнул из разговоров с Шестопаловым и Гарибовой, наконец-то понял: Гарибов, Шестопалов и их партнеры – так называемые лобовики. Все эти люди играют в карты по-крупному, лоб в лоб. Отсюда и название – лобовик. Лобовики среди любителей карт занимают особое положение, в отличие от остальных картежников, в том числе и от карточных шулеров, как крупных, называемых катранщиками, так и мелких, называемых каталами. Негласный кодекс запрещает лобовикам в игре между собой прибегать к какому бы то ни было шулерству. Игра ведется только на очень крупные суммы с обязательной немедленной отдачей. Если вдруг не оказывается наличных денег – долг необходимо вернуть как можно скорее, в считанные часы. Что же касается отношений с законом... Карточные игры в СССР в принципе не запрещены. Карты можно купить в любом табачном киоске. Если человек проиграл в них десять тысяч, не нарушая при этом общественного порядка, – это нельзя классифицировать как нарушение закона. Но Иванов прекрасно знал о связях лобовиков с преступными элементами. Лобовиками бывают только «солидные люди», как правило занимающие высокое положение. Безусловно, не исключено, что среди лобовиков, если постараться, можно найти и честного человека, такого, который, садясь за карточный стол, принципиально полагается только на свое реноме и реноме партнера. Однако это скорее исключение, чем правило. Честность не та основа, на которую могут полагаться крупные игроки, – ведь счет в их игре идет на тысячи, а то и на десятки тысяч рублей. Именно поэтому на страже интересов крупных картежников стоят шестерки-вышибалы. Вербуются вышибалы, как правило, из бывших уголовников. Виновному в неотдаче долга сначала делается предупреждение, а потом – потом он может поплатиться увечьем или даже жизнью. Для острастки других.

Довольно долго Иванов сидел молча, разглядывая исписанный лист. Он еще раз проверял, все ли так в его предположении. Нет ли каких-то неучтенных фактов, ложных ходов... Нет, кажется, момент, которого он так долго ждал, все-таки наступил. Он вычислил «кавказца». Человек, убивший на Ленинских горах инспектора ГАИ Садовникова, – шестерка-вышибала. Сомнений в этом нет никаких. Собственно, дело теперь только в технике – его и его товарищей.

Эксперимент

Вызвав Линяева, Иванов коротко пересказал ему все, что услышал от Гарибовой. После сообщения о картах майор легко постучал кулаком в ладонь:

– Кажется, тепло, Борис Эрнестович? «Кавказец» – вышибала?

– Похоже. Во всяком случае, времени у нас с тобой сейчас мало. Во-первых, сразу от меня иди к генералу. Сообщи новость. Шеф – человек мощный, пусть поднимает все силы. И ориентирует на «кавказца» всех, кто так или иначе связан с каталами, лобовиками и так далее. Учти, нам самим все это организовывать некогда. Понял?

– Понял. Можно идти?

– Подожди. Как только утрясешь вопрос с шефом, отправляйся в ближайший табачный киоск.

– В табачный киоск?

– Да. купишь шесть колод карт. Даже лучше семь. Но это не все. Нужно срочно найти парня, похожего на «кавказца». С использованием до конца дня. В министерстве, я думаю, пара-другая таких найдется?

– Может, Подошьян Валера? Из нашего отдела? В нем почти метр девяносто. Ну там и все остальное...

– Подойдет. Предупреди: пусть не уходит. И давай за колодами. Дорогих не покупай, нужны самые дешевые.

– Тогда я с колодами прямо к вам?

– Хорошо.

Сняв трубку телефона, Иванов набрал номер дежурной по второму этажу гостиницы «Алтай»:

– Дежурная? Простите, Лена Малахова сегодня работает? Позовите, пожалуйста...

Через минуту-другую услышал знакомый голос.

– Да, я слушаю.

– Лена, это один ваш знакомый. Из милиции. Мы с вами беседовали в дежурке. Насчет жилья из двести девятого номера. Иванов моя фамилия.

– А-а... Здравствуйте.

– Здравствуйте, Леночка. Только два вопроса. Помните, вы рассказывали, как убрали в номере, а жилец в это время что-то переставлял на столе?

– Переставлял? Помню. И что?

– Вы тогда сказали, что у него в мусорной корзинке были белые хрустящие бумажки. Обертки от вафель...

– Да... Как будто. Были вроде обертки.

– Леночка, вспомните: были в мусорной корзине этикетки от вафель? На вафлях же сверху этикетка. На ней – название, цена.

– Ой, я не помню. Может, и были. Там разве смотришь. Этикетки не этикетки. Я же не разглядывала.

– Еще вопрос. Когда вы в тот раз вошли, во что ваш постоялец был одет? Когда на столе что-то переставлял?

– Сейчас... Подождите... В спортивном костюме. Знаете, такой импортный? Синий. Пижама, что ли, называется.

– Все ясно, Леночка. Ждите, мы к вам скоро подъедем. На месте я все объясню.

Следующий, кому он позвонил, был Прохоров.

– Леня, это Борис Иванов. Ты очень занят?

– Дела есть всегда. Что-нибудь случилось?

– Ничего особенного. Ты мне нужен часа на два по нашему делу. Если я сейчас заеду, как? Минут через двадцать?

– В принципе можно, только объясни хоть примерно, что случилось?

– Объясню потом. Увидишь из окна мою машину – выходи.

Перед самым входом в «Алтай» Иванов резко затормозил. Сидевший рядом с ним Прохоров покосился на выходящих из машины Линяева и Подошьяна:

– С такими молодцами только кого-то брать. А? Надеюсь все-таки, брать мы никого не будем.

– Не будем, не беспокойся. Потерпи. Я хочу, чтобы все было чисто.

– Эксперимент? Судя по всему.

– Сейчас увидишь. Пошли.

Вчетвером они прошли в гостиницу. В холле было пусто. Швейцар, узнав Иванова, сделал знак бровями – мол, не волнуйтесь, все помню. Вместо молодящейся блондинки за стойкой сидела худая девушка в очках. Иванов протянул удостоверение. Девушка изучала его долго. Вздыхнула:

– Опять по поводу второго этажа? Да? Двести девятый?

– Двести девятый, угадали. Номер сейчас занят?

– Занят.

– А свободные номера у вас есть? Желательно на этом этаже. Двухместные.

– Сейчас... – Карандаш дежурной пополз по квадратам схемы. – Вот, двести пятнадцатый. А... зачем?

– Надо провести эксперимент. Для этого нужен свободный номер, а также представитель администрации. Вы бы, например, нас устроили как представитель администрации. Как? Договорились?

Поднялись на второй этаж, остановились у двести пятнадцатого номера. Администратор ушла разыскивать отлучившуюся куда-то со своего места дежурную по этажу. Иванов посмотрел на стоящего рядом Подошьяна. Для эксперимента капитан подходил идеально – высокий, широкоплечий, черноволосый, с пышными черными усами.

– Коротко установку. Пока мы одни.

Подошьян потер лоб:

– Значит, так. В номере я снимаю плащ, остаюсь в тренировочном костюме. Вскрываю шесть колод карт. Седьмую, контрольную, не трогаю. Затем снимаю с шести колод бумажные обертки. Мну их. Кроме того, мну несколько газетных обрывков. Затем бросаю в мусорную корзину смятые газетные обрывки. Сверху смятые бумажные обертки от карт. Потом все колоды, кроме двух, прячу в стол. Сажусь за стол лицом к окну, спиной к двери. Начинаю тасовать карты. Обе колоды. Делаю это медленно, размеренно. Причем так, чтобы со стороны двери карт не было видно. После стука в дверь говорю: «Войдите». Входит горничная, спрашивает: «Можно я уберу?» Не оборачиваясь и продолжая медленно тасовать карты, говорю: «Пожалуйста». По-моему, все?

– Все. Ты, Сергей?

– Я беру шесть пачек вафель и корзину, сдираю обертки... – Линяев поискал глазами. – Ну, хотя бы вон там, в конце коридора, за выступом. Подходит?

– Вполне.

– Мну газетные обрывки, кидаю в корзину. Сверху бросаю смятые обертки от вафель. Правильно?

– Правильно. Кажется, они идут.

Дежурная по этажу, с которой подошла администратор, оказалась совсем молодой девушкой. Высокая, с ямочками на пухлых щеках. Весело представилась:

– Здравствуйте. Меня зовут Тамара.

– Здравствуйте, Тамарочка. – Иванов улыбнулся. – Видите, сколько молодцов я вам привел? Это Леонид Георгиевич, это Сергей, это Валерий. А я Борис Эрнестович. Кстати, Тамара, вы что-то продаете на этаже? Вафли есть?

– Есть. Вафли есть, лимонад. Чай, сахар. Спички, сигареты «Прима»...

– Откройте нам, пожалуйста, номер и позовите горничную.

Когда дежурная по этажу вернулась с Леной Малаховой, Подошьян уже готовился к эксперименту в номере, а Линяев в конце коридора за выступом.

Лена, заметно волнуясь, поздоровалась, поставила на пол ведро, прислонила к стене швабру:

– Я как раз номера убираю.

– Очень хорошо, – ободрил ее Иванов. – Помните, вы убирали в двести девятом? Вы вошли, взяли мусорную корзину, чтобы ее вынести, и среди прочего мусора заметили смятые хрустящие белые бумажки. Еще раз спрашиваю: вы видели рядом с этими бумажками этикетки? Тоже смятые, тоже бумажки, но на которых написано, как называются вафли, цена и так далее?

– Я уж думала. Не помню. Может, они внутри были? В обертках? Или на дно провалились?

– Все ясно. А сейчас вы должны повторить все то, что делали в тот раз. Постучать в номер, услышав отзыв, войти, спросить, можно ли убрать. Делайте это спокойно, так, как делаете всегда. Представьте, что вам действительно нужно убрать в номере. После того как находящийся в номере разрешит вам произвести уборку, вы возьмете мусорное ведро и вынесете к нам. Понятно?

– Понятно.

– Человек, которого вы увидите в номере, со спины похож на Нижарадзе. Сидеть он будет, как сидел в тот раз Нижарадзе, к вам спиной. Этот человек будет делать определенные движения. Ваша задача – сказать нам после эксперимента, похожи ли эти движения на те, которые делал Нижарадзе. А также, похоже ли то, что будет в мусорном ведре, на то, что было в тот раз. Вот и вся задача. Все, можете стучать. Стучите!

Помедлив, Лена постучала в дверь. Оттуда донеслось: «Да, войдите!» Девушка открыла дверь и вошла. Из-за закрытой двери было хорошо слышно, как она спросила, можно ли убрать в номере. Спустя некоторое время дверь открылась. Лена показала мусорное ведро – в нем на газетных обрывках лежали смятые обертки от карт.

– Я правильно все сделала?

– Правильно. – За Леной Иванов видел спину Подошьяна – тот продолжал медленно тасовать карты. Спросил: – Как движения? Похожи на те, которые делал Нижарадзе?

– Похожи. Я теперь поняла, что он делал. Карты тасовал. Правильно?

– Правильно. Только почему же вы тогда об этом не догадались?

– Так ведь я второй раз уже смотрю. И внимательно. Тогда-то мне все равно было.

Иванов крикнул в конец коридора:

– Сергей Александрович! Пожалуйста!

Все молча следили, как подошедший Линяев ставит на пол мусорную корзину. В этой корзине поверх таких же, как в первой, газетных обрывков лежали смятые обертки от вафель вместе с этикетками.

– Лена, посмотрите внимательно, – попросил Иванов. – Какие бумажки были в корзине в тот раз? Только такие? Или этикетки тоже были?

Лена несколько раз перевела взгляд с одной корзины на другую:

– Нет. Все-таки бумажки тогда были вот такие, – кивнула она на свою корзину. – Как в моей.

Из эксперимента следовало: неизвестный, проживавший в гостинице «Алтай» под фамилией Нижарадзе, скупал в большом количестве карточные колоды. Пока этот неизвестный находился в номере, он тасовал карты. Этого занятия не прекращал даже при появлении горничной. То есть занимался тем, чем обычно занимаются в свободное время для тренировки зрительной памяти профессиональные картежники, – тасовал карты, запоминая их рубашки.

Значит, соответственно с этим следовало ориентировать и розыск.

Вторая встреча

У Хорина, появившегося лишь к концу рабочего дня, вид был усталый. После короткой беседы выяснилось: ничего такого, что выглядело бы для Иванова неожиданностью, он не узнал. Как и ожидалось, никаких грехов по части ОБХСС за Шестопаловым не числилось. Дача, кооперативная квартира в центре города и машина были приобретены на средства, полученные от внедрения ценного изобретения, одним из авторов которого он являлся. Интересным показалось только единственное: часть своего отпуска, причем совсем недавно, с 25 января по 11 февраля, директор НИИ «Дорстрой» провел в Сочи. Останавливался в гостинице «Жемчуг», занимая номер полулюкс на пятом этаже. Любопытны были также два списка, которые Хорин не поленился полностью переписать в агентстве «Аэрофлота». Один перечислял пассажиров авиарейса № 1045 Москва – Сочи от 25 января, второй – авиарейса № 1046 Сочи – Москва от 11 февраля. Согласно этим документам, 25 января одним рейсом с Шестопаловым вылетел Гарибов Георгий Константинович. Он же вместе с Шестопаловым вернулся в Москву 11 февраля.

Больше знакомых фамилий в двух списках Иванов не нашел. Тем не менее он принялся тщательно изучать оба реестра. В конце концов, просмотрев списки несколько раз, подчеркнул строчку: Палин Илья Егорович. Фамилия Палин значилась как в первом, так и во втором списке. К тому же некоего Илью Егоровича, директора гастронома, упомянула в своих показаниях Гарибова. Хорин тут же позвонил в отдел кадров Управления торговли. Там попросили перезвонить и через двадцать минут сообщили: Палин Илья Егорович работает директором гастронома № 26. Выходит, Гарибова называла именно этого Илью Егоровича. Трое из одной компании летали в Сочи! Зачем, ясно – поиграть. Иванов попросил Линяева связаться с Сочи и выяснить, в какой гостинице останавливались Гарибов и Палин. Впрочем, он был убежден, что они, как и Шестопалов, снимали номера в «Жемчуге».

До встречи с Шестопаловым между тем оставалось минут двадцать. Иванов спустился вниз. Усевшись в машину, не спеша развернулся к центру. Остановившись у кафе, подумал, что пока ничего особенного в факте выезда тройки в Сочи нет. На размышления наводило только то, что все трое вернулись в Москву 11 февраля, то есть за три дня до убийства Садовникова. Это может быть случайным совпадением. Но может и не быть! Кроме того, в сложившуюся картину пока не очень укладывался Палин. С Палиным, по словам Гарибовой, ее муж познакомился недавно.

Шестопалов сидел за тем же столиком и выглядел так же, как вчера: в идеальном состоянии рубашка, подобранный в тон галстук, безукоризненный костюм.

Кофе уже стоял на столе. Шестопалов улыбнулся:

– Я заказал кофе, вы не против?

– Выпью с удовольствием, – ответил Иванов и без промедления спросил: – Ну как, Алексей Павлович, вы посоветовались с друзьями?

– Посоветовался.

– И что же?

Иванов и Шестопалов взяли чашки. Пригубив кофе, оба посмотрели друг на друга. Со стороны этот взгляд наверняка выглядел мимолетным, ничего не значащим. Но оба сейчас отлично поняли, что означает для другого секундная пауза. Директор НИИ пытался понять, много ли успел узнать о нем Иванов. Иванов – определить, насколько откровенным решил быть с ним Шестопалов.

– Видите ли... – Шестопалов опустил чашку, достал сигарету. – Видите ли, прошлый раз я вас обманул.

– Обманули?

– Да. Я закурю, вы не против?

– Пожалуйста.

Щелкнув зажигалкой, Шестопалов прикурил.

– Прошлый раз я сказал, что опасаясь за своих друзей. Может быть, этот убийца действительно придет к кому-то из моих знакомых. Не знаю. Но на самом деле я опасаясь только за одного человека.

– За кого же?

– За себя, – признался Шестопалов. – Только за себя. Я живу сейчас в состоянии панического страха. Понимаете? Панического. Последние дни я вообще не сижу у себя в кабинете. Приезжаю в НИИ, отдаю распоряжения и тут же уезжаю.

– Чем же это вызвано?

– Тем, что сейчас моя очередь. Моя, вы понимаете?

Шестопалов медленно и аккуратно положил сигарету на край пепельницы, поднял глаза:

– Борис Эрнестович, вы, случайно, никогда не играли в покер?

«Это признание, – подумал Иванов. – Кажется, Шестопалов решился на полную откровенность».

– Играл.

– Впрочем, вопрос задан неточно. Играть в покер мало, надо понимать, что это за игра.

– Надеюсь, я и это понимаю.

– Ну, если понимаете... – Шестопалов снова взял сигарету, затянулся. – Если понимаете, то поймете, как много значит в покере чутье. Интуиция. Смею заверить, я играю в покер неплохо. Так вот, то, что сейчас моя очередь, я понял чутьем. Конечно, это можно было и высчитать. Но я понял чутьем.

– Объясните.

– Охотно. Видите ли, я любитель игры в карты. Вас это не шокирует? Как работника милиции?

– Если вы не нарушаете при этом закон – почему же. Не шокирует.

– Закона я не нарушаю. Наоборот, всегда стою за предельную честность. Что же касается карт... Для меня карты – разрядка. После довольно-таки тяжелой работы. Единственная в своем роде разрядка, отдых. – Шестопалов сделал паузу. Он явно в чем-то колебался. Но потом продолжил: – Вы, конечно, слышали о гостинице «Жемчуг»? В Сочи? И знаете, что там собираются любители карточной игры?

Еще бы Иванову не знать гостиницу «Жемчуг»! Одна из лучших сочинских гостиниц с закрытым пляжем. В бархатный сезон, когда там собирается элита лобовиков, попасть в «Жемчуг» практически невозможно. Впрочем, лобовики собираются в «Жемчуге» не только в бархатный сезон. Найти их там можно практически круглый год. Теперь разговор действительно пошел начистоту.

– Знаю, – ответил Иванов.

Шестопалов притушил сигарету:

– Тогда для вас не секрет, что в «Жемчуге» собираются не только любители. Не секрет, Борис Эрнестович?

– Не секрет.

– В таком случае все проще. В «Жемчуге» есть и жучки, и шулера, так называемые катранщики и каталы. Есть, на мой взгляд, просто уголовники. Так называемые вышибалы. Так ведь?

– Так. Я внимательно слушаю, Алексей Павлович.

Шестопалов отпил из чашки кофе.

– Ну вот. Недавно, в конце января – начале февраля, я был в Сочи с двумя своими друзьями. Две недели. Поехали развеяться и, естественно, поиграть. У нас это традиция, мы каж-

дый год выезжаем в Сочи в это время. За честность каждого из этих людей, по крайней мере за карточную честность, я ручаюсь. Одного из них вы знаете, это Георгий Константинович Гарибов. Второго я знаю меньше, но тоже готов за него поручиться. Учитывая даже, что должность, которую он занимает, довольно... особая, что ли.

– Что же это за должность?

– Директор гастронома. Крупного московского гастронома. Фамилия его Палин. Палин Илья Егорович. Не знаю, как по части ОБХСС, но по чисто человеческим качествам... – Шестопалов опять сделал паузу. – По чисто человеческим качествам Илья Егорович вне всяких подозрений. За это я ручаюсь.

Выверенная фраза. Похоже, отсрочку на сутки Шестопалов попросил именно из-за этого. Проверить, все ли чисто у Палина «по части ОБХСС».

– И что же случилось за время этого путешествия?

– За время путешествия ничего. Случилось после. Мы вернулись в Москву одиннадцатого февраля. Через четыре дня, пятнадцатого, к Палину на работу пришел этот выродок. И заставил, угрожая пистолетом, отдать двадцать тысяч рублей. Еще через шесть, двадцать первого, этот же бандюга пришел к Гарибову. С тем же пистолетом. И также потребовал двадцать тысяч. Георгий вынужден был подчиниться. Ужас в том, что Палин, когда его ограбили, ничего нам не сказал. Он думал, это никак не связано с «Жемчугом». Когда ограбили Георгия, все стало ясно. Теперь вы понимаете? Моя очередь. Я последний.

Шестопалов снова закурил. Откинувшись на стуле, стал безразлично разглядывать вьющиеся в полутьме кольца дыма. «Все как по расписанию», – подумал Иванов. Четырнадцатого был убит Садовников. Пятнадцатого «кавказец» пришел к Палину. Двадцать первого «раздел» Гарибова. Если бы Палин сразу обратился в милицию! Даже не обязательно сразу. Хотя бы на третий день. Пусть даже на четвертый. И рассказал бы при этом про поездку в Сочи... Если бы Палин все это сделал, можно было бы задержать «кавказца» уже двадцать первого. Прямо в «Автосервисе». Но Палин не рассказал о происшедшем даже близким друзьям.

– Жаль, что Палин сразу не обратился в милицию. И вы не рассказали обо всем в прошлый раз.

– Палин придет к вам завтра. Сам. Он боялся за семью, поэтому и не сообщил сразу. Его можно понять. Как и меня.

Так. Суточная отсрочка была взята Шестопаловым еще и для этого. Чтобы вместе с Палиным решить, как обезопасить директора гастронома от уголовной ответственности за укрывательство преступления.

Словно подтверждая мысли Иванова, Шестопалов слабо улыбнулся:

– Я надеюсь, вы это учтете? Борис Эрнестович?

Вдруг, глядя на лицо директора НИИ, внешне спокойное, Иванов ощутил неприязнь. Каждый из этой тройки отлично устроил свою жизнь. Но именно это отличное устройство жизни, написанное сейчас на лице Шестопалова, выводило Иванова из себя. Сам он никогда бы вот так свою жизнь не устроил. Никогда. Они совершенно разные люди. Но если уж на то пошло, раздражаться на кого-то только из-за того, что тот хорошо устроил свою жизнь, глупо. Он, юрист с академическим образованием, просто не имеет на это права. К тому же он не знает, можно ли привлечь кого-то из этой тройки к уголовной ответственности. Даже если допустить, что Шестопалов, Гарибов или Палин и совершили какие-то противоправные действия, следов этих действий они наверняка не оставили. Если УБХСС сочтет нужным, оно будет такие материалы искать. По всей тройке. Но если такие материалы найдены не будут, он должен считать, что их и не было.

Видимо, все это как-то отразилось на его лице. Во всяком случае, Шестопалов переспросил с беспокойством:

– Борис Эрнестович, надеюсь, это учтется? Мы ведь хотим помочь милиции. И потом, слабость Палина можно понять.

– Безусловно, учтется. Вообще, Алексей Павлович, я должен поблагодарить вас за то, что обратились ко мне. Как к представителю милиции.

– Ну что вы. Тут даже не пахнет выполненным долгом. Просто я впал в панику. И все. Поверите – я сейчас со страхом думаю о моменте, когда вы уйдете. Останусь один, и будет мерещиться этот бандит.

– Не волнуйтесь. О вашей безопасности мы позаботимся.

– Спасибо. Но вы понимаете меня?

– Понимаю.

Они замолчали. В зале в такт тихой хрустальной музыке мерцал разноцветный свет. Кафе притихло, голоса умолкли. В воздухе в этот момент существовало что-то совершенно отдельное, чуждое их разговору. Иванов вдруг понял, как далеки они сейчас с Шестопаловым от этих мальчиков и девочек, сидящих за столиками. Те знать ничего не знают о «кавказце». И не хотят знать. И правильно делают.

Помедлив, он спросил:

– Алексей Павлович, может быть, это кто-то из тех самых сочинских вышибал? Которые обитают около «Жемчуга»?

– Думаете, он взыскивал с Палина и Гарибова карточные долги?

– Почему бы и нет?

– Неотданные карточные долги... – Казалось, директор НИИ сейчас вслушивается в тихо звучащую музыку. – Нет, исключено. Решительно исключено. Прежде всего, долги у нас принято отдавать сразу. Потом, я знаю своих друзей. Палин и Гарибов прекрасно играют и редко проигрывают. Но уж если они кому-то проигрывают, в должниках ходить никогда не будут. Гарантия.

– А у вас нет карточных долгов?

– Обижаете. У меня их просто быть не может. Физически.

Некоторое время оба молчали. Если грабил Палина и Гарибова действительно не вышибала – плохо. То, что стало проясняться, снова уйдет в пустоту.

Шестопалов помешал ложечкой остатки кофе.

– Оба сказали мне, что их ограбили. Ограбил один и тот же человек, не известный им. Ни с какого бока не известный. Понимаете? Вынырнувший откуда-то из темноты.

– Ваши друзья могли вас обмануть.

– Если бы они хотели меня обмануть, неужели бы я это не понял? Достаточно любому из них шевельнуть бровями, и я уже знаю, что он имеет в виду. Нет, они говорили правду. Никаких долгов у них не было. Просто это... какой-то беспредельщик.

Значение слова «беспредельщик» Иванов понял отлично. Человек, не признающий никаких законов. Действительно, вынырнувший из темноты. В общем, это согласовывалось с его первоначальной точкой зрения.

Шестопалов допил кофе:

– Ясно только одно: зацепил он нас в «Жемчуге». Я это знаю точно. Человек в моем возрасте всегда понимает, где мог произойти прокол. В «Жемчуге» мы расслабились, – все мы были в крупном выигрыше, много говорили, считая, что никто из посторонних не слышит. Видимо, все-таки кто-то нас слышал.

– О чем же вы говорили?

– О многом. В том числе о том, что у каждого из нас есть сейчас «свободные» деньги. Дурацкие, ребяческие разговоры... В этот раз в «Жемчуге» нас окружала какая-то легкомысленная атмосфера. Но ничего конкретного вспомнить не могу. Человека с внешностью этого

бандюги мы в Сочи не видели. Но я уверен – все тянется оттуда. Двое обработаны, остался третий. Я. И вопрос будет закрыт.

«Если уж быть дотошным, то до конца». Подумав об этом, Иванов спросил:

– Может быть, именно вас он трогать уже не решится?

– Почему?

– Палин и Гарибов могли вас предупредить.

Шестопалов положил зажигалку:

– Здесь не тот случай.

– Почему?

– Он абсолютно убежден, что ни Палин, ни Гарибов меня не предупредят. Когда он пришел к Гарибову, тот ведь ничего не знал. И я бы ничего не узнал, если бы не чутье. Когда Георгий двадцать первого приехал ко мне, на нем лица не было. Но о том, что его ограбили, он не сказал. Только предупредил: «Леша, будь осторожней». Хорошо, Светлана рассказала.

Они снова замолчали. Похоже, Шестопалов прав. «Кавказец» убежден, что все ограбленные им будут молчать. Уж во всяком случае, не заявят в милицию. Расчет на полную безнаказанность.

– Алексей Павлович, еще раз спасибо за откровенный разговор. Что касается вашей безопасности – сегодня же напишите заявление, и мы примем меры. Во всех подозрительных случаях сразу звоните мне. Вот еще несколько телефонов. Естественно – в эти дни вам нужно быть предельно осторожным. Тут уж ничего не поделаешь.

Замысел

На следующее утро директор гастронома № 26 Илья Егорович Палин пришел к Иванову на работу. Он позвонил снизу из бюро пропусков и через некоторое время уже сидел в кабинете. Грузноватый, с носом картошкой и маленькими глазками, скромно одетый, Палин выглядел куда проще, чем Гарибов и Шестопалов. Его рассказ ничего не добавил к тому, что было уже известно. По словам потерпевшего, утром 15 февраля в его кабинет, расположенный на первом этаже магазина, вошел высокий молодой человек в оранжевой куртке. Описание молодого человека, данное Палиным, в целом соответствовало уже известным описаниям «кавказца» и «племянника». Угрожая пистолетом, молодой человек потребовал двадцать тысяч рублей. По словам Палина, во внешнем облике молодого человека было что-то, особенно его испугавшее. Как выразился директор гастронома, он буквально потерял голову от страха и мало что понимал. В состоянии шока Палин предложил грабителю восемь тысяч рублей государственных денег, находившихся в тот момент в его сейфе. Грабитель, взяв восемь тысяч, заявил, что оставшиеся двенадцать потребует все равно. Не в этот раз, так позже. Но угрожать в таком случае он будет не только Палину, но и его семье – жене и двенадцатилетней дочери. Если же Палин снимет сейчас эти двенадцать тысяч со своего счета в сберкассе и передаст ему, он гарантирует, что никогда больше к нему не придет. Подумав, Палин с этим требованием согласился. Они подъехали к сберкассе. Сняв с аккредитива двенадцать тысяч рублей, Палин в соседнем подъезде передал их вымогателю, все еще находясь в состоянии шока. Сложив деньги в сумку, грабитель исчез. Опасаясь за жизнь жены и дочери, Палин решил о случившемся никому не говорить. Сняв со своего счета восемь тысяч, он вернулся в магазин и положил деньги в сейф. Все сообщенное Шестопаловым о поездке в Сочи и пребывании в гостинице «Жемчуг» было полностью подтверждено. Никаких людей, хотя бы отдаленно напоминавших грабителя, и вообще ничего подозрительного во время поездки и пребывания в Сочи Палин не заметил.

После ухода Палина Иванов попробовал подвести некоторые итоги. Кажется, Шестопалов прав. Во всяком случае, его предположение, что кто-то слышал сокровенные разговоры тройки в «Жемчуге», выглядит очень близким к истине. В обоих случаях «кавказец» действовал так, как мог действовать только хорошо осведомленный преступник, знающий все о своих жертвах – от их личной жизни до кредитоспособности. На какое-то мгновение у Иванова даже мелькнуло подозрение: может быть, оба нападения инсценировал и организовал сам Шестопалов? Но, подумав, это подозрение отбросил. Шестопалову, жизнь которого так отлично налажена, не имело никакого смысла вступать на скользкий путь явной уголовщины. Даже если допустить, что ему вдруг срочно понадобились большие деньги, вряд ли он пошел бы на столь отчаянный риск. Тем более с убийством работника милиции. Нет, «кавказец» наверняка действует самостоятельно. Может быть, это уголовник-рецидивист, заполучивший подробную информацию о Палине, Гарибове и Шестопалове и действующий в соответствии с этой информацией, а может быть, новичок, которого именно полученная в «Жемчуге» информация о трех «состоятельных людях» толкнула разработать план, приводимый им сейчас в исполнение. Тройка выехала из Сочи в Москву 11 февраля. «Кавказец», имевший к этому времени подробные сведения о каждом, выехал следом. Он хорошо понимал: чтобы заставить отдать двадцать тысяч рублей Палина или Гарибова, доводы нужны очень серьезные. Лучшим доводом могло быть только оружие. Это оружие он добыл 14 февраля, убив на Ленинских горах Садовникова. По крайней мере, по датам все совпадает.

Взвесив все, Иванов понял: необходимо его присутствие в Сочи. В гостинице «Жемчуг». Необходимо хотя бы для того, чтобы просто осмотреться, понять: кто и где мог получить столь подробную информацию о Палине и Гарибове. Поехать он может, скажем, под видом того же

любовика. Мысленно проиграл этот вариант несколько раз. Из Тбилиси в Москву он переехал пять лет назад. В Тбилиси его хорошо знали, но знали, главным образом, жители Авлабара. Насколько он помнит, в Авлабаре никогда не водилось крупных любовиков, да еще выбирающих местом игры Сочи. Что же касается любовиков московских, здесь его никто не знает. Исключая, естественно, Шестопалова, Гарибова и Палина.

Со всем этим он пошел к генералу. Выслушав, тот некоторое время делал вид, что рассматривает на свет кончик ручки. Возражения, которые могли бы найтись у генерала, Иванов примерно представлял. Поэтому терпеливо ждал. Наконец ручка была положена на стол.

– Вы сами когда-нибудь играли в карты?

– Обижаете, Иван Калистратович. Я из Тбилиси. И не просто из Тбилиси, а из Авлабара. Играл с детства во все игры.

– Понятно, что из Тбилиси. Но, насколько я понимаю, в «Жемчуге» собираются акулы. Даже не акулы – киты. Допустим, сыграть на их уровне вы сможете. Но что будет, если вы проиграете? Вы ведь знаете, какие суммы там проигрывают?

– Понимаю, что вы хотите сказать. Ответ на это один: я не должен проигрывать. Думаю, со своей квалификацией я все же потяну. А поехать туда я должен. Согласитесь – информация идет оттуда.

– Оттуда, – согласился генерал.

– Причем я поеду не один, а с двумя партнерами. Играющими гораздо лучше меня.

– Даже с двумя?

– С двумя, Иван Калистратович. Так будет лучше.

– Интересно. Кто же эти партнеры?

– Один – Шестопалов.

– Шестопалов? Что ж, это вариант. А второй?

– Второго называть пока не буду. Должен с ним поговорить.

– Тоже посторонний?

– Да, в МВД он не работает. Но, думаю, этот человек меня не подведет.

– Надеюсь, в конце концов о нем доложите?

– Конечно, Иван Калистратович.

К концу рабочего дня Иванов заехал к Прохорову. Следовательно он рассказал все, что удалось узнать за вчерашний вечер и сегодняшний день, от встречи с Шестопаловым до разговора с генералом. Идею выехать в Сочи с двумя хорошо играющими партнерами Прохоров одобрил. Однако человека, которого хотел бы взять с собой третьим, Иванов опять не назвал. Кандидатура же Шестопалова, так же как и у шефа, у Прохорова возражений не вызвала.

Разговор с другом

Закончив дела с Прохоровым и выйдя из прокуратуры, Иванов вдруг подумал, что все-таки не пришел еще к определенному решению. Он не знает, имеет ли право предложить поехать с ним в «Жемчуг» под видом лобовика Ираклию Кутателадзе. Хотя Ираклий – идеальный партнер для такой поездки.

Уже на Садовом кольце, остановившись перед светофором, вдруг поймал себя на том, что непрерывно повторяет: идеальный партнер. Тут же поправил себя: лучше всего подойдет другое: приманка. Ираклий, выехавший под видом лобовика в «Жемчуг» и затем вернувшийся в Москву, станет идеальной приманкой для «кавказца». Директор мясокомбината. Любящий муж и отец. А Манана и Дато? Да нет, с ними ничего не случится. Они с шефом разработают двойную систему подстраховки. Манану и Дато можно временно переправить на другую квартиру. Безопасность будет абсолютной. А «кавказец» клюнет. Клюнет, и они его возьмут. Снимут без единого выстрела. Нет, нет и нет! Все-таки он не имеет на это права. Не имеет.

В памяти всплыло то, что было раньше.

...В детстве, в школе, их функции всегда разделялись – с начальных классов. Ираклий никогда не был слабаком, тем не менее всегда считался в школе лишь олицетворением ума, математического интеллекта. Но не более. Никто из товарищей не воспринимал его как серьезную «силовую единицу». Борис же, наоборот, хоть никогда не учился плохо, завоевал в глазах школы славу лишь лихого драчуна. Так уж повелось: к Иванову обращались, когда нужны были его кулаки, к Кутателадзе – когда не решалась задача. Ираклия, как нормального подростка, это, естественно, обижало. Поэтому в шестом классе, когда Борис уже год занимался боксом и имел первый юношеский разряд, друг буквально умолил взять его с собой в секцию. Понимая, что Ираклию это совершенно не нужно, Борис тем не менее не мог отказать. Тренер, из уважения к лучшему своему воспитаннику, согласился попробовать новичка. Пробовать здесь было заведено трехминутным боем с одним из спортсменов секции. Если новичок выдерживал, его оставляли, если нет, считалось, что ему лучше заняться другим видом спорта. Ираклий с честью выдержал испытание. Но Борис с трудом дождался окончания злосчастных трех минут, в течение которых избивали его лучшего друга. Он не мог простить себе, что привел с собой Ираклия. Гордость школы, умницу, человека особого – он ведь знал, совершенно особого. Тонкого, деликатного, с обостренными чувствами. Поэтому, подойдя после боя к другу, тихо ему сказал: «Ираклий, если ты мне друг, ты сюда больше не придешь. Или мы перестанем дружить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.